

МАКС MAX

БОЕВАЯ КОМАНДА

ПИЛОТ
РАКЕТОНОСЦА
ВЫБОР КУРСА

Макс Мах
Пилот ракетноносца.
Выбор курса
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»
Серия «Пилот ракетноносца», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51657402
Пилот ракетноносца : Выбор курса : роман / Макс Мах: АСТ; Москва;
2020
ISBN 978-5-17-122124-9

Аннотация

Пилот ракетноносца снова в бою. Война продолжается, империя под огнем, и лейтенант Эрик Минц не может оставаться в стороне. Но для этого ему нужно преодолеть последствия отравления боевыми нейростимуляторами. И только тогда он сможет принять участие в вояже к мирам, лежащим далеко за пределами «обитаемого космоса».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Макс Мах

Пилот ракетноносца.

Выбор курса

Глава 1

Крутой поворот

*1. Десятое августа 2533 года, вилла адмирала Мельника
– Омут Планка, планета Энo*

На Черномзере было холодно. Градусов пятнадцать, не больше, но на этой широте сезоны сдвинуты как минимум месяца на полтора по отношению к стандартной шкале. Так что на самом деле на дворе как бы конец сентября, и с океана задувает холодный осенний ветер.

– Ты сумасшедший, – Вера кутается в шерстяной платок. Ей холодно, и она этого не скрывает. Какая тут, к черту, офицерская честь, если ветер *пробирает до костей!*

– Ты догадалась об этом только сейчас? – Эрик разделся и пошел к воде.

– Ты бы хоть трусы снял.

– Зачем? – взглянул он через плечо.

– Меня бы порадовал, – усмехнулась в ответ Вера, – и не

ходил бы потом с мокрой задницей.

– Может быть, ты и права... – Эрик дошел до обреза воды и остановился. – Напомни мне, лейтенант, ты уже совершеннолетняя, или я растлеваю ребенка?

Шутка не удалась, и он это знал. Понял еще до того, как договорил фразу.

– Дурак ты, Эрик Минц! – фыркнула в ответ младший лейтенант Мельник, еще плотнее закутываясь в платок.

«Платок? Или эта штука называется шаль?» – руз¹ он знал хорошо, но иногда, когда речь заходила о редких, малоупотребительных словах, сомневался в правильности выбора.

А по поводу возраста все обстояло с точностью до наоборот. Вере уже почти двадцать, а Эрику – если иметь в виду правду, а не то, что записано в его личном деле – всего восемнадцать, ну или около того. Но об этом мало кто знает, да и не актуально уже. Выглядит он куда старше, – вон даже седина появилась на висках, – да и кто поверит, что герой двух военных кампаний едва достиг совершеннолетия? Нонсенс, как говорят профессора в Адмиралтейском училище². Нонсенс и есть. Эрик – лейтенант, и в последнем сражении командовал ударным ракетоносцем. Впрочем, с тем же успехом можно сказать, что в свой звездный час он вел в бой всю 93-ю ударно-штурмовую бригаду.

¹ Руз – результат развития русского языка.

² Имеется в виду Высшее Адмиралтейское командное училище Военно-космических сил империи Торбенов.

«Вёл... Командовал... И докомандовался... – Его снова накрыла волна слабости, закружилась голова, и перед глазами встал кровавый флёр. – Твою ж мать!»

Эрик ненавидел себя за эту слабость, но ничего не мог с этим поделать. После трех дней в госпитале и полного переливания крови ему вроде бы стало лучше – даже раны на плече и бедре стали затягиваться, – но медицинскую аттестацию он прошел со скрипом, едва дотянув до профиля Бета-7, а ведь перед сражением в системе Парацельса у него уже был Бета-13. Точнее, верхняя граница профиля...

«Вот же подлость!»

– Ты в порядке?

Если кто и знал, насколько он на самом деле не в порядке, то только Вера.

– Я в порядке. – Эрик справился с тошнотой, развернулся и решительно, пусть и на ватных ногах, пошел в воду.

Вода в Черномозере теплой не бывает никогда, даже в жару. А уж осенью... Двадцать тысяч квадратных километров водной поверхности, и глубины от пятидесяти до двухсот метров – попробуй прогрей такую массу воды, да еще в северных широтах!

Несколько шагов, бросок вперед, и Эрик с головой погрузился в ледяную воду. Это его разом отрезвило. Холод буквально обжигал тело, но оно и хорошо. Прочищает голову, выжигает немощь, бодрит организм... Он пробыл под водой сколько мог – раньше мог больше, но, разумеется, не сей-

час, – потом вынырнул и поплыл. Плавать он научился давно, еще в приюте «Новый сад». Там тоже было холодное озеро, да и климат на Эвре куда хуже. Тем не менее купание в горном озере было единственным способом помыться. Сначала Эрик только за этим к озеру и ходил, потом стал плавать. Вообще, это всегда удивляло приютских воспитателей. Они и сами-то не слишком следили за чистотой, тем более не любили мыться воспитанники, набранные в таких трущобах, где, как говорят аборигены Смоляного городка, легче сделать нового ребенка – чем все они и в самом деле усердно занимались, – чем отмыть старого. Но Эрик, как это ни странно для выросшего на помойках сироты, любил воду. И всегда следил за чистотой. Когда мог, естественно. Вот и плавать научился, едва ли не единственный на весь приют.

Сейчас он проплыл брассом всего метров двести и повернул назад. Слишком холодно в его нынешнем состоянии, слишком болят заклеенные непрозрачным пластиком плечо и бедро, – да и сил явно поубавилось. Пока доплыл, окончательно выдохся и замерз, и из воды выходил на дрожащих ногах и с ощущением, что плечо и бедро горят огнем.

– Да, сударь, укатали вас крутые горки! – Вера делала вид, что издевается, но сама едва не плакала.

«Сраная жизнь...»

Они были знакомы четыре года. Познакомились на первом курсе космической академии на Иль-де-Франс, но вместе, так уж сложилось, совсем недолго: десять дней прошлым

летом, и вот еще эти четыре дня. Четыре дня из семи, что прошли после битвы в системе Парацельса.

– Не преувеличивай, – отмахнулся Эрик. – На мне все заживает...

– Знаю, как на собаке.

– Ну, вот видишь, – улыбнулся он, стараясь удержаться в сознании и не закатить глаза.

– Я вижу... – вздохнула Вера. – Снимай трусы, я отвернусь. Еще не хватало простыть!

Эрик хотел было возразить, что он никогда не болеет, но вовремя вспомнил, что после двойной дозы боевой нейрoхимии и коктейля из обезболивающих и психостимуляторов он должен был попросту отдать концы. И, если он все еще жив, то только потому, что его невероятный организм бросил в бой все резервы. Ну, и флотская медицина помогла, не без этого. Но сил теперь явно поубавилось, и не стоило заrekаться, что в нынешнем своем состоянии Эрик выдержит атаку каких-нибудь сраных вирусов или еще какой подлой дряни.

– Спасибо.

– Эрик...

– Ты ведь понимаешь, что я отлетался?

Ну, вот он произнес вслух то, что незримо присутствовало рядом с ними все эти четыре дня.

– Во-первых, не факт.

– А во-вторых?

– Есть еще тяжелые корабли...

– Серьезно?

Кто ж его пустит Бета-7 «рулить» крейсером или эсминцем! Да, и сам не возьмется, вот в чем дело.

– А я?

«И в самом деле, что тогда с ней?»

Эрик мысленно чертыхнулся и, шагнув к Вере, взял ее за плечи, разворачивая к себе.

– Можешь повернуться, я в штанах...

Вера не переставала его удивлять. Дочь командующего флотом метрополии, она выросла в богатстве, размеры которого такому человеку, как Эрик, было просто не постичь. В роскоши, в богатстве и вседозволенности, потому что элита империи стоит выше законов *«божеских и человеческих»*. Но Вера, как и ее брат-близнец Андрей, выросла человеком совершенно неожиданным для этой среды. Она была сильной, храброй, порядочной и верной. Не выбросила за ненадобностью – с глаз долой, из сердца вон, – когда Эрика арестовала контрразведка, не оставила, не забыла, искала вместе с Андреем, и в конце концов нашла. Вроде бы даже любит...

«...или думает, что любит...»

– Молчи! – она смотрела ему в глаза, снизу-вверх, но так, что можно было подумать, что смотрит сверху-вниз. – Я знаю, что ты хочешь сказать. И я не хочу этого слышать! Ты меня понял? Не хочу!

– Ну, извини!

– Хочешь дам в челюсть?

– Не надо, – улыбнулся Эрик, вспомнив, что удар у его девушки такой, что мало не покажется. Своему двоюродному дяде она сломала челюсть с первой попытки. – Если ты меня ударишь, я попросту развалюсь...

– Ладно, – ухмыльнулась в ответ девушка, – бить не буду, хотя и следовало бы! Ты не имеешь права даже думать о том, что я тебя оставлю из-за такой ерунды!

Как ни странно, после этого короткого обмена любезностями ему стало намного лучше. И возможно, что главным тут было ощущение надежности. Эрик был недоверчив – таким его сделала жизнь, – трудно сходилась с людьми, все время и ото всех ждал предательства или подлости, и больше всего боялся разочароваться в Вере и Андрее Мельниках, единственных на данный момент его настоящих друзьях. Но Вера раз за разом демонстрировала ему свою спокойную – без ажитации – надежность. Хороший человек, отличный офицер и лучшая в мире женщина.

– Ты когда говорила с Андреем? – сменил он тему, отпуская девушку и возвращаясь к своей одежде.

– С Пятым флотом нет связи, Магриб³ ставит помехи на

³ *Магриб* (араб. эль-Магриб – «там, где закат») – название, данное средневековыми арабскими моряками странам Северной Африки, расположенным к западу от Египта. В данном контексте имеется в виду эмират Магриб, созданный в 2411 году на основе колоний, заселенных выходцами из стран Магриба. С 2457 года власть в эмирате принадлежит исмаилитам. *Исмаилизм* – совокупность религиозных движений в шиитской ветви ислама, восходящих к концу VIII века.

межсистемных линиях...

– Вот же уроды!

Однако ругай или нет, враг империи достался зачетный: Фатимидский халифат⁴ в союзе с эмиратом Магриб. С халифами Эрик дважды сходил в бою, и они, по идее, должны были считать его «порождением шайтана», столько он им набил кораблей. А вот с магрибами пока не пришлось, и похоже на то, что уже не придется. С профилем Бета-7 пилотировать ракетноносцы ему не разрешит никто, даже благосклонный к Эрику государь император. Еще повезет, если адмирал Моргенштерн выполнит свое обещание и возьмет к себе на «Финист»⁵ пилотом-стажёром. Однако, если не пройдут приступы, о которых он благоразумно никому пока не рассказывал, он и сам не сядет за штурвал. Совесть не позволит. Тогда или спишут вчистую, – в восемнадцать лет! – или устроят на тихое, непыльное место в одном из центральных штабов, и будет он, как говорили в древности на рузе, «свадебным генералом» – знаменитым героем, образцом для подражания, и еще тридцать три определения и все суперлативом⁶.

Мысли эти Эрику не нравились, но он ничего не мог с

⁴ Фатимидский халифат (909–1171) – средневековое шиитское (исмаилитское) арабское государство с центром в Каире (с 972). Фатима – Умм аль-Хасан Фатима бинт Мухаммад аль-Кураши – младшая дочь пророка Мухаммеда.

⁵ «Финист» – линейный крейсер ВКС империи Торбенов; Финист – название меча Святогора.

⁶ *Суперлатив* – то же, что превосходная степень.

этим поделаться. Так или иначе, но он все время сворачивал в один и тот же тупик. Ему было до слез обидно, что все так быстро закончилось. Ведь у него был такой мощный старт, такое великолепное начало, аж дух захватывало. Такая невероятная пруха во всем – в бою, в признании, в любви, – и вдруг ничего не осталось.

«Разве что любовь...»

Возможно, любовь и осталась, но сколько она протянет, если девушка – боевой офицер, а парень – инвалид? Недолго, даже если Вера, из порядочности и из чувства долга, зубами будет держаться за их отношения, все равно, рано или поздно, эта разница в положении даст себя знать.

Эрик оделся, и они молча пошли к дому. Впрочем, домом этот дворец могли называть только те, для кого «Омут Планка» действительно всего лишь *их дом*. Эрику это слово казалось никак не подходящим. Но не он здесь хозяин, не ему и решать.

– Ну, хоть от кого-нибудь есть вести? – спросил, чтобы не молчать.

– Нет, Рик, ни от кого.

– Чувствую себя...

Он хотел сказать «лишним», но вовремя прикусил язык. Впрочем, никакого другого подходящего слова на ум не пришло. Бессильным? Слабым? Брошенным?

Ни одно из этих слов он не мог произнести вслух. Не имел права. Но правда заключалась в том, что ему было стыдно.

Стыдно и мерзко. Другие воюют, а он болтается на тверди, как говно в проруби. И еще он ревновал. Пока еще не Веру к другим мужчинам. Он ревновал других пилотов к их праву летать. Но и этого он сказать вслух не мог тоже.

Они молча прошли с полсотни шагов и оказались на аллее, прямиком выводившей ко входу в левое крыло дворца, переданное адмиралом Мельником в безраздельное владение Вере и Андрею. Этим он в свое время отметил их совершеннолетие и заодно отделил от молодой мачехи, которая едва не выдала Веру замуж за Виктора Мельника – того самого двоюродного дядю, из-за которого Эрик чуть было не пошел под трибунал, и которому, узнав подробности матримониального заговора, Вера сломала челюсть. Грозилась, к слову, переломать ноги-руки и «любимой маменьке», но отец, к счастью, отговорил.

– Мельник слушает, – неожиданно сказала вслух Вера, показав пальцем на свой коммуникатор. – Твоими молитвами. ...Да, вместе. ...Кто-кто? ...А зачем? Я и сама могу. ...Нет? Ну, если ты настаиваешь... Есть! Так точно. Принято к исполнению! Честь имею!

– Отец? – поинтересовался Эрик.

– Отец, – подтвердила Вера.

– Что-то случилось?

– Говорит, твою медицинскую карту передали с «Аскалона»⁷ в центральный госпиталь ВКС, и наши доблестные эс-

⁷ «Аскалон» – название линейного крейсера ВКС империи Торбенгов. *Аскалон*

кулапы хотят тебя видеть у себя. Безотлагательно.

«Командующий флотом метрополии интересуется моими анализами? Умереть не встать!»

О том, что он вообще-то спас дочь адмирала Мельника, он в этот момент даже не подумал. Эрику такое и в голову прийти не могло, а если все-таки приходило, то только задним числом.

– Срочно? – удивился он вслух. – Я что, умираю?

– Да нет, наверное, – пожала плечами лейтенант Мельник. – Если бы действительно умирал, скорее всего, прислали бы «скорую помощь».

– Вот и я так думаю, – кивнул Эрик.

Уезжать из имения не хотелось, но адмирал Мельник не тот человек, которому станешь перечить. Особенно если ты офицер военно-космических сил.

«Допустим, он заботится обо мне... из-за Веры... Да нет! Ерунда! С чего бы вдруг?»

И в самом деле, вроде бы не с чего. Но Центральный госпиталь – это не лазарет на крейсере, где Эрика продержали три дня после битвы. Другие возможности, другие специалисты... Но отчего такая срочность?

– Что-то еще?

– Приказано надеть парадную форму, поскольку после госпиталя мы приглашены на прием в Адмиралтейство.

– И?.. – Продолжение напрашивалось, и оно не заставило

себя долго ждать:

– Через полчаса за нами прибудет катер с отцовским офицером для поручений.

– А кто у нас сегодня офицер для поручений?

– Капитан-лейтенант Таке.

– Зачем?

– Сам отца и спроси! – огрызнулась Вера.

– Кто я, и кто он! – вздернул брови Эрик.

– Ты хотя бы лейтенант, а я кто? – грустно усмехнулась Вера.

– Ты его дочь, разве нет?

– Во всем, кроме дел службы, – отрезала Вера, и они прибавили шаг.

Ну что ж, Эрик и Вера – люди военные. У них, конечно, больше вещей, чем у нищего, – которому собраться – только подпоясаться, – но и они привыкли делать это быстро. Правда, Эрика все еще пошатывало, но уже значительно меньше. Он надел мундир, ордена, фуражку и реглан, посмотрелся в зеркало и решил, что благородная бледность и седина в висках ему к лицу. Делают старше, придают солидности.

«Красавчег!» – Если бы позволяли приличия, он бы сплюнул, но нормы поведения никто не отменял, а ему, поднявшемуся «из грязи в князи», такое и вовсе непростительно.

Эрик вздохнул и вышел из своей комнаты. Комната была все та же, в которой его поселили в прошлом году. Он в ней, правда, ночевал всего один раз, да и то в прошлом году,

но формально жил именно здесь, поскольку теперь в доме Мельников это *официально* была *его* комната.

«Да уж...» Прошедшую ночь он провел с Верой, но гребаная хворь сказывалась на всем, не обошла и постель. *Первый раз* прошел, впрочем, как и должно, то есть на ура, но вот *второго раза* уже не состоялось, не говоря уже о «продолжении банкета». Вера его, разумеется, успокоила, типа хорошо, что хоть так, ведь это временно. Но лучше бы промолчала. Слова не утешали, и стыд заставлял краснеть даже сейчас.

– У тебя температура? – всполошилась Вера, попытавшись дотянуться рукой до его лба, но он ее руку перехватил и поцеловал пальцы.

– Нет у меня температуры, – сказал, оторвавшись от ее руки. – С чего ты взяла?

– Ты весь красный...

– Серьезно? – хмыкнул Эрик, скрывая под бравадой свою растерянность. – Не знал, что умею краснеть.

– Умеешь. Пошли!

Катер сел буквально за минуту до того, как они вышли из дома на лужайку. Каплей – наверное, это и был порученец адмирала – сдвинул дверь пассажирской кабины в сторону, выскочил на траву, поздоровался, обменявшись рукопожатиями с Верой и Эриком, и пригласил садиться. Через минуту взлетели, пилот взял курс на западную дугу Метрополиса, и каплей обернулся к пассажирам:

– Против форсажа возражения имеются?

– Ты как? – спросила Вера, заглядывая Эрику в глаза.

– Возражений нет.

У нее были очень красивые глаза, редкого изумрудно-зеленого цвета. Глаза судьбы...

– Тогда погнали! – каплей тронул пилота за плечо, и катер рывком пошел вверх, одновременно набирая скорость и высоту.

Как ни странно, ускорение вызвало прилив сил. По идее, ему должно было поплохеть, ан нет. Его «геройский» организм опять чудил, но в этот раз хотя бы в пользу Эрика.

«Ладно, – подумал он с надеждой, – а вдруг действительно пронесет?»

Хотелось верить, что так и будет, но жизненный опыт подсказывал, что иллюзии до добра не доведут.

Между тем катер взлетел выше облаков и еще больше увеличил скорость.

– Расчетное время прибытия – тридцать две минуты, – сообщил пилот.

– А куда мы, собственно, летим? – спросил Эрик.

– В лабораторию биоактивных материалов, – пояснил каплей. – Это они разрабатывают для флота всю линейку боевой нейрехимии, они и эффекты воздействия всех этих купажей на человеческий организм лучше всех знают.

«Ну-ну, – кивнул мысленно Эрик. – Будем надеяться, что они знают, чем нас травят...»

– А кстати, – сказал он вслух, поворачиваясь к Вере, – ты

ведь поняла, зачем нас выдергивают на прием в Адмиралтейство?

– Я что, похожа на курицу? – сразу же ошетибилась Вера.

И в самом деле, не бином Ньютона. По случаю военного времени скорость прохождения наградных представлений едва не зашкаливала.

– Нет, на курицу ты совсем не похожа, – успокоил Эрик девушку. – Ты похожа на очень красивого и обидчивого младшего лейтенанта, но на меня дуться незачем. Я последний, кто подумает о тебе плохо.

– Вообще-то, странная история, – признала Вера, сразу же успокоившаяся от его слов. – Меня представили к медали «За храбрость в бою», но в этом случае награждать меня по уставу должен командир крейсера, максимум – командующий эскадрой Моргенштерн.

– Значит, переиграли, – пожал плечами Эрик, раздумывавший сейчас над тем, что лично его в очередной раз собираются наградить неизвестно чем, и снова на самом верху командной пирамиды.

Во флоте ведь существуют дисциплина и порядок – во всяком случае, на словах, – и регламент на все случаи жизни. Награждение в этом смысле один из наиболее упорядоченных и консервативных элементов флотской службы. Сначала отличившегося военнослужащего представляют к награде, о чем оповещают и самого виновника торжества. Затем представление проходит несколько этапов утверждений на раз-

ных этажах командной цепочки. На этой стадии представление могут завернуть – типа, не заслужил, – а также понизить или повысить статус награды. И наконец само награждение. Его всегда проводит вышестоящий командир, и ранг этого командира напрямую зависит от статута награды. «Военный орден» 2-й степени Эрику вручал контр-адмирал, а «Звезду и Меч» – сам император. Но в обоих случаях – в отличие от абсолютного большинства награждаемых – Эрик до самого последнего момента не знал, чем именно его наградят, и наградят ли вообще. И надо же, третья награда – Эрик практически не сомневался, что речь идет о каком-то статусном ордене, – а ему опять, как нарочно, забыли об этом рассказать.

Вот и Вере за компанию, наверное, свезло оставаться в неведении практически до самого последнего момента. Но с другой стороны, медаль «За храбрость в бою» – невысокая награда, больше подходящая нижним чинам, чем отличившемуся в бою офицеру. Так отчего бы не переиграть? Но если это так, то и с Эриком могла произойти точно такая же история. Представили к одной награде – узнать о которой он не успел, так как находился в госпитале, – а получит в результате другую. И объясняется все это достаточно просто. Сражение в системе Парацельса стало крупнейшим с начала войны, и он в нем себя показал с лучшей стороны. За Фронт-ир Эрик получил два ордена: за взлом оборонительного ордера халифов и за два уничтоженных корабля противника. На Парацельсе, даже по самым скромным подсчетам, Эрик

грохнул три корабля второго ранга. Правда, ни один из них не дотягивал до тяжелого крейсера «Азам»⁸, не говоря уже об огромном корабле-матке «Хадж», но все равно мало кто из офицеров в его звании может похвастаться таким успехом. И все это не считая того, что именно он спас от уничтожения флагманский крейсер 8-й эскадры. Так что Эрик практически не сомневался, что едет не просто за наградой, а за *высокой наградой*. Другой вопрос, чем именно его сегодня наградят. Тут были возможны варианты, но Эрик был согласен на любой из них. Ему с лихвой хватало и того, что есть. Впрочем, и отказываться было бы глупо, тем более что награды положены не ему одному.

Что же касается Веры, то огонь в двигательном отсеке линейного крейсера – страшная вещь. И, понятное дело, что, как только сыграли пожарную тревогу, туда устремились все наличные силы, занятые борьбой за живучесть корабля. Но первыми в огонь бросились добровольцы седьмой секции во главе с младшим лейтенантом Верой Мельник, и досталось им там будь здоров.

«Хорошо хоть, что уцелела, геройство легко выходит боком!» – Мысль не бесспорная, но зато подходит и ему, и ей. Оба хороши!

И уж точно, что лейтенант Мельник заслужила что-нибудь более статусное, чем медаль «За храбрость в бою».

«Посмотрим, – мысленно пожал плечами Эрик. – Погля-

⁸ Азан (араб.) – призыв к обязательной молитве.

дим. Скучно не будет...»

Впрочем, все это – прием в Адмиралтействе и награды – потом, а пока Эрика ждали флотские эскулапы на предмет – еще раз попробовать понять «что с ним не так» и «что с этим всем делать».

* * *

Возможно, сотрудники лаборатории Центрального госпиталя ВКС действительно знали, что делают. Во всяком случае, у Эрика возникло впечатление, что так оно и есть. Немногословные, внимательные и вежливые, они ни о чем его не спрашивали, и, слава богу, что так. Он бы им все равно ничего не рассказал, но чувствовал бы себя при этом скверно. Однако никаких расспросов не было, то ли знали, что он им все равно ничего не скажет, то ли ничего путного услышать от него не ожидали. Его галопом прогнали через полтора десятка приборов и устройств, измерявших в человеческом организме буквально все, что можно в нем измерить. Но прежде всего, что-то связанное с биохимией, электрической активностью нервной системы и прочим в том же духе, и в той же степени непонятным. Эрик терпеливо выполнял все указания докторов и в результате получил от них несколько как утешающих, так и настораживающих прогнозов.

Обещали, что он от *ЭТОГО* не умрет, хотя так и не объ-

яснили, что *ЭТО* такое. Кроме того, витиеватые речи эскулапов, по-видимому, предполагали, что когда-нибудь *ЭТО*, возможно, пройдет само собой. Гораздо менее оптимистично звучал прогноз относительно сроков выздоровления.

– Может быть, дни, – сказал профессор Кемпер, подводящий итог обследования, – может быть, месяцы, но не исключено, господин лейтенант, что годы. Однако могу вам обещать, что ниже профиля Бета-7 ваша медицинская аттестация уже не опустится. А вот когда вернетесь на уровень Бета-13, и вернетесь ли вообще, знает только Всевышний...

На том и расстались.

«И это всё?» – Выражение лица у Эрика было, по-видимому, в достаточной мере красноречиво, так что, увидев его выходящим в фойе, Вера даже всполошилась.

– Что-то серьезное?

– Да нет вроде бы, – кисло усмехнулся Эрик. – Копыта не отброшу, а в остальном – «все по воле Божьей».

– Но обещают, что стоять будет лучше, – добавил, чтобы смягчить впечатление, вызванное его настроением, но, разумеется, только все испортил.

– Дурак! – покачала головой Вера. – Вот честное слово! Ведешь себя, как ребенок! Сколько тебе лет, кавалер⁹ Минц?

– Даже не знаю, что тебе сказать...

В жизни Эрика имелась пара вещей, о которых он не мог

⁹ Эрик – кавалер, поскольку награжден одним из двух высших орденов империи Торбенов – орденом «Звезда и Меч».

рассказать даже Вере. И прежде всего, это касалось его возраста. А еще он испытывал постоянные опасения, что будет в чем-нибудь важным недостаточно хорош. В бою, в любви, в пилотаже... Он боялся опростоволоситься. Не желал выглядеть смешным. И больше всего страшился, что окружающие люди – и тем более Вера и Андрей – поймут, какой он еще на самом деле ребенок. Но пока во всех разговорах на щекотливые темы его спасала правда, окрашенная в цвета иронии или цинизма. Достаточно дать понять, что сказанное – шутка, и правда перестает быть самой собой...

– Поехали, лейтенант, – ухмыльнулся Эрик, желавший скрыть за дурацкой ухмылкой свое разочарование, – посмотрим, что за сюрприз нам приготовили в Адмиралтействе.

«Поехали» – дань традиции. На самом деле полетели, хотя там, собственно, и лететь было всего ничего – взлететь и приземлиться, – и вскоре катер доставил их на парковочную площадку неподалеку от главного здания Адмиралтейства. Здесь уже было довольно много машин разного типа и класса, от служебных «работяг» до шикарных «персоналок». Во всяком случае, там было на что посмотреть, но сопровождавший Веру и Эрика каплей не позволял им расслабиться ни на секунду и оставил их в покое, лишь протолкнув за оцепление, состоявшее, к слову сказать, не из бойцов военной полиции, а из флотских десантников в штурмовой броне. Время военное, а здесь в Адмиралтействе этим вечером соберутся сливки императорского флота из тех, разуме-

ется, кто находится сейчас на Эно¹⁰.

Эрик и Вера прошли по выгороженным тропкам мимо приборов, установленных контрразведкой, и вскоре оказались в зале Славы – колоссальном помещении, на стенах которого красовались огромные мозаичные панно, повествующие о героической истории императорского флота. В простенках между картинами стояли бронзовые статуи великих адмиралов прошлого, а также кое-кого из Торбенов, не только носивших военную форму, как и большинство их потомков, но и непосредственно участвовавших в боевых действиях. За внимательным изучением всех этих чудес они провели весь следующий час. На самом деле, больше им ничего не оставалось. У Эрика знакомых здесь не было по определению, а Вера была не в том звании, чтобы окликать многозвездных адмиралов и каперангов. Дома, при отце, это одно, а на приеме, который устраивает первый лорд Адмиралтейства, совсем другое. Впрочем, Борис Мельник тоже был здесь, стоял на возвышении в противоположном конце зала и беседовал с лордом Кёблером и адмиралом Моргенштерном, и это сочетание начинало не на шутку тревожить Эрика.

«Почему Моргенштерн?»

И в самом деле, почему? В системе Эно сейчас сосредоточены четыре эскадры, а это означает присутствие как мини-

¹⁰ *Эно* – столичная планета империи Торбенов, на которой находится столица империи – город Метрополис. *Эно*, или *Геннегау* – средневековое графство. Охватывало территорию, соответствующую современным Южной Бельгии и Северной Франции.

мум трех полных адмиралов и шести вице-адмиралов, если иметь в виду и заместителей командующих, да еще на тверди наверняка не менее дюжины. Так отчего именно Моргенштерн?

Однако тайна – если таковая и в самом деле имела место быть – так и осталась нераскрытой. Генрих Моргенштерн даже в награждении принял участие лишь как статист. Награды вручал лорд Кёблер, что резко повышало статус награждения, хотя удостоивали как раз за битву в системе Парацельса, где вице-адмирал Моргенштерн командовал 8-м флотом. Тем не менее сейчас Мельник, Моргенштерн и два других незнакомых Эрику адмирала стояли чуть в стороне, наблюдая, так сказать, за процессом, но в него никаким образом не вмешиваясь.

– Лейтенант Мельник!

Ну, что сказать, как выяснилось, Эрик Веру не только любил, он ею еще и гордился. То, что она была самым красивым офицером в шеренге, даже не обсуждалось. Вторую такую в императорском флоте, и вообще, сыскать непросто, если возможно вообще. И держится молодцом, что в присутствии своего великого отца и своего парня отнюдь не просто. Но у Веры Мельник крепкие нервы и воля, которой можно забивать гвозди. Вон, даже Хеге загляделась!

За полчаса до вручения наград всех «именинников» собрали вместе. Тогда Эрик и заметил среди награждаемых единственного знакомого ему лично человека – Эльгу

Линдблат, носившую уже погоны капитана 3-го ранга. Поговорить, правда, не получилось, но они успели хотя бы обняться. Последний раз они виделись два года назад на Рязани, и Эрик даже не знал, что Хеге участвовала в сражении в системе Парацельса. Но и то сказать, к тому моменту, когда 93-я бригада вступила в бой, сражение распалось на множество частных схваток, и, не имея доступа к разведывательной информации, Эрик попросту не мог знать, какими силами располагает в системе командование 8-м флотом.

Обнялись по-быстрому – уж очень их торопили организаторы, – договорились встретиться после торжественной части и разошлись по своим местам в формируемой ответственными офицерами шеренге. А вскоре началось и само награждение. И, разумеется, началось оно с орденов и медалей, имеющих меньший статус.

– Лейтенант Мельник!

Вера вышла из стройных рядов, прошла церемониальным шагом к возвышению, поднялась на подиум и оказалась прямо напротив Кёблера. Лорд одобрительно кивнул, сказал что-то, заставившее старшего Мельника усмехнуться в усы, и вручил девушке коробочку с орденом – по старой традиции, ордена женщинам вручали, а не вешали на грудь. Орден Вера прикрепила к груди сама, едва спустившись в зал, и это был орден «За службу и храбрость» 2-й степени, что точно соответствовало тому, за что ее наградили. Хельгу, к слову, наградили тем же орденом, только 1-й степени, а Эрик снова,

как и на приеме у императора, ждал практически до самого конца. Ему и двум офицерам рангом повыше – капитану 2-го ранга и капитан-лейтенанту – первый лорд Адмиралтейства собственноручно «пришпилил» «Военный орден» 1-й степени.

«Полного банта уже не будет, – не без сожаления отметил Эрик, возвращаясь в строй, – но и так внушает!»

Суть вопроса сводилась к очередности награждений. Получив «Военный орден» 2-й степени, военный служащий еще мог быть пожалован тем же орденом 3-й степени, но 1-я степень сразу отменяла все прочие возможности. Теперь Эрика не могли наградить даже «Военным орденом» 2-й степени. Только 1-я степень, да и то «не более трех раз». Таков был статут этой награды. Но, с другой стороны, полный бант, включавший в себя все три степени «Военного ордена» по нарастающей, весьма высоко ценился на флоте, как признак стабильности результатов. Впрочем, с этим или без этого, Эрик в глазах многих других офицеров все равно оставался выскочкой. Слишком молод для таких высоких наград, слишком обласкан вниманием сильных мира сего. Слишком удачлив, что бы не сказать большего...

* * *

После награждения начался собственно прием. Никаких речей, никаких официальных церемоний. Все, что требо-

валось, уже было сказано и сделано, теперь приглашенным предлагали просто расслабиться – насколько это возможно на официальном мероприятии такого уровня – и отдыхать, вкушая земных радостей, представленных классической музыкой в исполнении струнного секстета, а также изысканными блюдами и напитками. Весьма достойное завершение торжественной церемонии. Тем не менее, если бы это было возможно, Эрик предпочел бы уйти. Его угнетали размеры зала и количество людей, хаотично перемещавшихся между фуршетными столами. Но уйти он не мог. Во-первых, он был здесь не один – а Вере прием понравился, она же впервые в жизни сама являлась «героем торжества», – а во-вторых, ему и самому было неудобно покинуть Адмиралтейство – вот так, сразу после вручения наград. Могло показаться неуважительно по отношению к лорду Кёблеру, не говоря уже об адмиралах Мельнике и Моргенштерне. И это он еще не принял в расчет другие заинтересованные стороны, а они, как тут же выяснилось, тоже присутствовали на приеме. Не успел Эрик найти в толпе Эльгу и, познакомив ее с Верой, предложить дамам обмыть награды где-нибудь в сторонке, как его вежливо окликнул некий молодой человек в форме поручика гвардии.

– Господин лейтенант, – осторожно тронул Эрика за руку гвардеец, – с вами хотел бы приватно переговорить статс-секретарь двора граф Клиnger. Пожалуйста, следуйте за мной!

Эрик мысленно выругался, но внешне своего отношения к приглашению ничем не выразил. Он не очень хорошо представлял себе, чем именно занимается статс-секретарь при императорском дворе, но предполагал, что если тот посылает в качестве «делегата связи» гвардейского офицера, то, наверное, имеет на это право. Перечить таким «крутым перцам» себе дороже, даже если статс-секретарю всего лишь стало любопытно, каков он на деле, этот Эрик Минц.

Следуя за поручиком, Эрик прошел наискосок через весь огромный зал и, войдя вслед за гвардейцем в неприметную дверь, спрятавшуюся за дорической колонной, оказался в просторной гостиной, где в кожаных креслах сидели адмиралы Мельник и Моргенштерн и некий неизвестный Эрику штатский, который наверняка и являлся пресловутым статс-секретарем двора. Между тем дверь за его спиной сразу же закрылась, присутствующие повернули головы на звук, и Эрик, сделав два шага вперед, козырнул и представился по всей форме.

– Вольно, лейтенант! – разрешил Мельник, как старший по званию. – Проходите, садитесь, – указал он на свободное кресло. – Знакомьтесь, это граф Клиnger, статс-секретарь двора.

– Рад знакомству, ваше сиятельство! – вежливо поклонился Эрик и сел в предложенное ему кресло.

– Господин лейтенант, – кивнул ему граф, – буду краток. Его величество возложил на меня ответственную диплома-

тическую миссию. Я должен возглавить особое посольство на Фронтир, с тем, чтобы начать переговоры с дипломатическими и военными представителями Трилистника и Холода. В случае успешного продвижения переговоров, мне предложено возглавить посольство на Холод и организовать там наше постоянное дипломатическое и торговое представительство.

Упоминание о Холоде Эрику не понравилось. Похоже, статс-секретарь не собирался дивиться на него, как на «невидадь заморскую», а всего лишь предполагал использовать в своем непростом предприятии. Впрочем, несмотря на головную боль, Эрик сообразил, что пока это все еще не приказ, иначе разговор шел бы совсем в другом ключе, да и не с такой фигурой, как граф Клиндер. Приказать ему следовать, *куда велено*, мог и кто-нибудь из подчиненных статс-секретаря. Наверняка же среди них есть и флотские командиры, раз предполагаются переговоры по военным вопросам.

– Какие-то вопросы? – неожиданно остановился статс-секретарь. Возможно, заметил что-то в глазах Эрика или в его лице.

– Никак нет, ваше сиятельство.

– Ну-ну... – поджал губы граф. – А то мне показалось... Впрочем, неважно! Вы мне нужны в посольстве, господин лейтенант.

– Я служу на флоте, ваше сиятельство, – вежливо ответил Эрик.

Получалось, что он все понял правильно. Не ясно было только одно, с чего бы такой шишке, как этот граф, обращаться к нему напрямую, да еще и сразу после награждения.

– Я вас с флота увольняться не призываю.

– Тем более, – стараясь держать себя в руках, мягко возразил Эрик. – Я боевой офицер, ваше сиятельство. Политесам не обучен, могу ненароком сказать что-то недипломатичное...

– ...На одном из шести языков.

– Простите? – нахмурился Эрик.

– Мне сказали, что вы владеете шестью языками, это так?

– Да, это правда, – согласился Эрик, с трудом удерживая себя в сознании. Голова была тяжелая, боль слепила глаза, пульс отдавался в ушах, как удары в гонг. Приступ, как обычно и случается, начался совсем не вовремя.

– Кроме того, разведка полагает...

– Прошу прощения, ваша светлость, – Эрик смотрел на статс-секретаря, но видел сейчас всего лишь расплывчатую тень, – но, по моему мнению, разведка сама толком не знает, о чем говорит. У них там одни гипотезы без подтверждения. В любом случае спецслужбы, которые за столько лет не удосужились узнать, что там и как, *за границами обитаемого мира*, как минимум не заслуживает доверия.

– А как максимум, – неожиданно вступил в беседу адмирал Мельник, – заслуживает презрения.

По всей видимости, он остался доволен репликой Эрика,

это настроение Эрик уловил даже в том состоянии, в котором сейчас находился.

– Что вы имеете в виду? – повернулся к адмиралу статс-секретарь.

– Я имею в виду, что ни дипломаты, ни разведчики со своей задачей не справились и серьезного доверия у меня не вызывают. Полагаю, у государя императора тоже. Иначе зачем посылать туда вас?

– Что ж, тут вы правы, – не стал спорить граф. – Что вы предлагаете?

– Я полагаю, что в посольстве или, лучше сказать, в миссии на Фронтир вам нужен толковый советник от ВКС. Кто-нибудь в ранге вице-адмирала...

– У вас есть конкретная кандидатура, я прав?

Эрик пытался следить за ходом разговора, но по-прежнему не понимал, зачем он здесь. Этот разговор явно не был предназначен для его ушей. Тогда что?

– Да, – подтвердил догадку статс-секретаря адмирал Мельник. – Контр-адмирал Север. Опытный флотоводец, широко образованный офицер, умный, решительный и осторожный. Полагаю, лучшей кандидатуры нам не найти.

– Допустим, – кивнул Клиnger. – Контр-адмирал, вице-адмирал... Я понимаю и одобряю ход вашей мысли, господин главнокомандующий. Но я полагаю, что адмиралу потребуется свой аппарат...

«Он сказал главнокомандующий? – удивился Эрик. – Но

об этом должны были объявить по флоту... Или нет?»

Ввиду военного времени могли и не сообщить.

– Вы совершенно правы, граф, – между тем улыбнулся Мельник, явно довольный возникшим между ними взаимопониманием. – Полагаю, адмиралу нужен будет небольшой, но эффективный аппарат, в котором найдется место и для лейтенанта Минца. Вот посмотрите список кандидатур и наши особые требования...

С этими словами адмирал передал статс-секретарю листок бумаги, исписанный мелким почерком.

Даже несмотря на свое плачевное состояние, Эрик отметил с особым интересом тот факт, что бумажные документы в империи – во всяком случае, в высших эшелонах власти – давно уже не в ходу. Тем не менее документ был именно бумажным.

– Любопытно, – задумчиво произнес Клиnger, закончив чтение. – Не вижу ни одной причины, чтобы ответить отказом.

– Отлично, – кивнул Мельник. – Значит, решено!

– Вы свободны, кавалер, – кивнул он Эрику.

– Лейтенант, – поднялся со своего места Моргенштерн, – следуйте за мной!

– Есть следовать за вами! Честь имею, господа!

Далеко идти, впрочем, не пришлось, и слава богу. Эрик готов был грохнуться в обморок, и уже даже не переживал по этому поводу. Было настолько больно, что стало уже все

равно.

– Садитесь, Эрик!

Они прошли по короткому коридору и оказались в другой гостиной, мало чем отличающейся от предыдущей. Тут тоже стояли кресла, в одно из которых Эрик сел, даже не удивившись, что Моргенштерн обратился к нему по имени.

– Коньяк?

– Спасибо, но лучше стакан воды. Если можно.

– Можно, – озабоченно кивнул адмирал, постоял пару секунд, изучая Эрика, и пошел за водой.

– А теперь как на духу, – Эрик не заметил, как вернулся Моргенштерн, а тот стоял перед ним и протягивал хрустальный стакан, наполненный на три четверти. – Насколько все плохо?

– Плохо, – выдавил из себя Эрик, принимая стакан.

– Когда собирались мне об этом доложить? – Адмирал сел в кресло напротив Эрика и достал сигару.

– Полагал, что само пройдет, – признался Эрик, сделав несколько жадных глотков и почувствовав некоторое облегчение. – Я бы не принял управление кораблем в таком состоянии.

– Верю.

– Я... – начал было Эрик, но адмирал его остановил:

– Помолчите, Эрик, и послушайте, – он достал сигару, обнюхал, удовлетворенно цокнул языком, обрезал крошечной гильотинкой и, наконец, раскурил.

– О том, что все плохо, знаем только мы с адмиралом Мельником, – сказал, выдохнув дым первой затяжки. – Лаборатория отчитывается напрямую ему и мне, поскольку мы и инициировали проверку. Мне, знаете ли, еще наши госпитальные на крейсере нашептали, вот я задействовал свои связи.

Между тем Эрик выпил всю воду и почувствовал, что ему становится легче, но до *полного ажюра* было еще далеко.

– Профессор Кемпер утверждает, что ваш недуг не смертелен, но это он вам и сам сегодня сказал. А вот чего он вам по моей просьбе не сказал, имея в виду награждение и прочие подробности... – адмирал повел рукой с зажатой в пальцах сигарой, словно бы показывал, какие именно подробности он имеет в виду. – Пилотировать вам сейчас нельзя, Эрик. Это печально, но это факт. Кемпер, правда, считает, что за полгода-год вы должны восстановиться. И мы оба, я и адмирал Мельник, очень на это надеемся. К слову сказать, заранее прошу прощения за то, что лезу в ваши личные дела, Эрик, но думаю, вам стоит знать. Борис в ваши отношения с Верой вмешиваться не станет и сообщать ей о том, насколько все плохо, не будет. Но лично я рекомендовал бы вам перед любимой женщиной не таиться. Она, как мне кажется, и сама обо всем догадывается, но, разумеется, это никоим образом не мое дело.

– Спасибо, – поблагодарил Эрик. – Можно я возьму еще воды?

– Разумеется, – кивнул адмирал. – Но не сразу.

Он встал, прошел куда-то в глубину гостиной и вернулся к Эрику с небольшим кожаным футляром.

– Вот, посмотрите, – Моргенштерн открыл футляр и показал Эрику его содержимое.

Там одна за другой в бархатных гнездах лежали небольшие пластиковые ампулы. Три, обозначенные цифрой 1, три, обозначенные цифрой 2 и еще три, обозначенные цифрой 3.

– В первой сильное обезболивающее, – объяснил адмирал, – сработанное специально под ваш, Эрик, организм. Особенно хорошо помогает от головных болей и болей в позвоночнике, которые, как мне доложили, должны вас посещать довольно часто. «Двойка» поможет не потерять сознание, справиться с тошнотой и головокружением. Третья, – указал адмирал пальцем на ампулы, обозначенные цифрой 3, – это стимулятор. На случай, если вам, лейтенант, нужно будет срочно прийти в норму. Часа на четыре обещают вам вполне нормальное самочувствие. Так что держите и старайтесь всегда иметь этот набор при себе. И не экономьте. К утру в вашу комнату на «Омуте Планка» доставят запас этих «снадобий», а это вам «на сейчас», чтобы головой не мучиться. Вы все поняли?

– Так точно! – Эрик не знал, что сказать и как себя вести. Но было очевидно, что он переоценил себя и недооценил других. – Разрешите...

– Идите, Эрик, – кивнул адмирал. – Я подожду. Нам еще

надо кое-что обсудить.

Эрик сходил к бару, налил себе полный стакан воды и хотел было выпить сразу же на месте, но вспомнил о футляре, который продолжал держать в руке.

«Что ж, – решил он, наскоро обдумав сложившуюся ситуацию, – когда-нибудь все равно придется попробовать... Так отчего бы не сейчас?»

Он достал первую ампулу, свинтил крошечную головку и энергично вытряхнул несколько капель горьковатого снадобья себе на язык.

«Терпимо».

Запил лекарство водой и достал вторую ампулу.

«Ну, помолясь...»

На этот раз жидкость имела отчетливый запах травы и вкус березового сока. Не сок, разумеется, но очень похоже.

«И вдогон...»

Возможно – и даже скорее всего, – Эрик не нуждался сейчас в третьем зелье. Но, с другой стороны, когда и попробовать, если не сейчас, когда прием еще только начался, а встреча с бывшим командиром обещает быть приятной во всех отношениях?

Третье лекарство, как ни странно, оказалось без вкуса и запаха, и никаких немедленных эффектов сразу за приемом не последовало. Вот голова явно стала болеть меньше, и тошнить тоже перестало. Но, может быть, он сам себя в этом уговорил? Кто-то рассказывал – Эрик и помнить забыл, так дав-

но это случилось, – что человек себя во всем может уговорить. Даже ходить босиком по раскаленным углям...

– Ну, вы там как, лейтенант? – окликнул его Моргенштерн, и Эрик, быстро допив оставшуюся воду, вернулся к адмиралу.

– Спасибо, – сказал он, садясь в кресло, – действительно помогло.

– Ну, и отлично, – пыхнул сигарой Моргенштерн. – Хочу вам, Эрик, кое-что объяснить в надежде на ваше благоразумие и осмотрительность.

– Слушаю вас, ваше превосходительство, – вежливо ответил Эрик.

Ему действительно стало легче. Боль уходила, головокружение прекратилось...

– Без чинов!

– Так точно.

– Ну, тогда слушайте, – снова пыхнул сигарным дымом адмирал. – Вы мне симпатичны, Эрик, и не мне одному. Адмиралу Мельнику вы тоже нравитесь. Он, вообще, уважает умных героев. А вы, Эрик, умный человек и к тому же осторожный. Только не в бою. В бою вы и в самом деле герой. Весьма необычное сочетание качеств, и думаю, я разобрался, кто вы такой и что с вами происходит. Тяжело выбираться из той клоаки, откуда вы начали свой путь. Даже с вашими способностями, внешностью и умом. И то, чего вы добились, вызывает искреннее уважение. Талантливы, порядочны... и

много что еще. Но не заблуждайтесь, ни я, ни Мельник не смогли бы сделать для вас многое из того, что делаем, без откровенной поддержки с самого верха. Вы понравились императору, и это открывает перед вами многие двери, в некоторые из которых, однако, входить не следует. Но и не воспользоваться открывшимися возможностями – грех. Вы все поняли, лейтенант?

– Так точно! – Получалось, что некоторые из его интуитивных догадок были более чем обоснованны.

– Хорошо. Тогда перейдем к статс-секретарю. Граф Клиnger человек умный, но себе на уме. Потому император его и выбрал. Не дипломат, но зато аристократ с немалым для гражданского человека чином. К тому же образован и обладает широким кругозором. Однако министерство иностранных дел и разведка обойти себя совсем уж по-наглому не позволят, и такую редкую возможность, как миссия на Холлод, не пропустят. Облепят графа со всех сторон, и возразить вроде бы нечего. Миссия носит явно выраженный дипломатический и разведывательный характер. Вот тут и появляется адмирал Север, которому вы, Эрик, к слову сказать, тоже нравитесь. Север будет служить противовесом и дипломатам, и разведчикам. И опять-таки возразить нечего. Без представителей флота посольство будет ущербным, а с ними – серьезным игроком. К тому же адмиралу потребуется аппарат, а в нем найдется место и для разведки ВКС и нашей же контрразведки.

– Теперь о вас, Эрик, – адмирал встал и неторопливо пошел к бару. – Полегчало уже?

– Да, – подтвердил Эрик, которому действительно стало намного лучше. – Благодарю вас, господин адмирал!

Без чинов хорошо выходит только тогда, когда между собой общаются люди, принадлежащие к одному кругу. Штаб-офицеры, например. Но дистанция между лейтенантом и адмиралом слишком велика, чтобы попытаться ее преодолеть одним героическим усилием воли.

– Выпить хотите?

– Нет, спасибо, – отказался Эрик.

– Итак, о вас, – вернулся к прежней теме старый адмирал. – Пилотировать что-нибудь сложнее атмосферного какара вам, Эрик, пока нельзя. И это не обсуждается. Пилот-стажер, которым вы, кстати, оформлены приказом от сегодняшнего дня, прямо скажем, всего лишь эвфемизм. Ни пилотировать, ни носить шлем адаптивного интерфейса вам пока нельзя.

– Зачем же тогда называть меня пилотом?

– Есть смысл, – хмыкнул адмирал. – Пилот-стажер не обязан проходить медкомиссию, и воспринимается всеми как настоящий пилот на переподготовке. Меньше внимания широкой публики, больше понимания у неосведомленных чинов ВКС. Разве не очевидно? Эрика Минца готовят к управлению тяжелыми кораблями.

– А на самом деле? – уточнил взявший себя в руки Эрик.

– На самом деле тихая заводь на месяц-другой и трамплин для повышения.

– Повышения? – удивился Эрик.

– Мы, и в данном случае я имею в виду именно нас, меня и Мельника. Так вот мы хотели бы, чтобы вы, Эрик, приняли участие в этом посольстве. Соображений на этот счет несколько. Во-первых, если возникнет такая необходимость, перекантуетесь год, а то и больше без аттестации. И в себя придете, и личное дело не испортите. Во-вторых, нам не помешает там, в посольстве, свой человек. Умный, эрудированный, внимательный и не работающий на контрразведку ВКС. Хотя полномочия с них мы для вас снимем. Это же их идея – подставить вас холоданцам и посмотреть, что из этого выйдет. Это в-третьих. Я в это дело, если по совести, не верю, но чем черт не шутит, когда бог спит! И наконец четвертое. Среди нас не так уж много людей, кого фронтироны и холоданцы знают по имени. Нет у нас пока в их глазах никакой репутации. Но вы, Эрик, другое дело. У вас репутация уже есть, и ваше присутствие покажет всем – и холоданцам, и Трилистнику, и Фронтиру, – что мы к нашей миссии на Холод относимся более чем серьезно.

– А в чем будет заключаться повышение? – решил Эрик расставить все-таки все точки над «i».

– Мы хотим пропихнуть вас, Эрик, в личные помощники адмирала Севера.

– Не в референты, – усмехнулся адмирал, оценивший,

должно быть, реакцию Эрика, – и не в адъютанты. А именно в адъюнкты¹¹, сиречь в помощники.

– Но это очень высокая должность, – попробовал отказаться Эрик.

– Верно, – согласился адмирал, – в обычной ситуации кап-три. Но ситуация у нас необычная, поэтому будет всего лишь капель.

– Но я лейтенант.

– Вот мы и попросили статс-секретаря похлопотать, чтобы Севера, Верна и вас повысили в звании, так сказать, вне очереди...

¹¹ *Адъюнк* – должность или звание помощника, или заместителя в различных областях.

Глава 2

Новое начало

1. Одиннадцатое августа 2533 года, Метрополис, планета Энo

– Привет! – сказал Эрик, подходя к женщинам. – Извините, что задержался. Дела службы.

– Ты как-то даже посвежел... – неуверенно улыбнулась Вера. – Что... что случилось?

– Много всего, – усмехнулся Эрик и покачал головой. – Но не бери в голову, лейтенант. Жизнь продолжается. Что пьем, командир?

– Я водку, а твоя девушка винцом балуется.

– Ну, я тогда тоже водки выпью...

– Чуть-чуть, – успокоил он всполошившуюся было Веру. – Самую малость. За встречу!

Оказалось, что, если принять все три «номера» разом, жизнь становится куда лучше. Эрик это узнал еще двадцать минут назад, и сейчас чувствовал себя пусть и не совсем так, как в лучшие свои времена, но все равно – хвала секретным эскулапам ВКС – более чем сносно. Вера, глядя на него, как-то сразу успокоилась, а Эльга ничего про его злключения не знала, а только восхищалась тем, какой вырос из ее пилота «крутой сукин сын». Поэтому, проведя в Адмиралтействе

еще около двух часов – надо было все-таки поесть, да и выпить не мешало, – решили ехать в город и догуливать там, но и этим планам не суждено было сбыться. С Верой связался личный помощник ее отца и от лица старшего Мельника «настоятельно рекомендовал безотлагательно прибыть» на виллу «Омут Планка». Вера, уже пережившая за прошедший день несколько таких вот нежданчиков, едва не рассвирепела, но все-таки удержалась в рамках приличий.

– Вы можете сказать, что случилось? – в конце концов, напрямую спросила встревоженная девушка.

Разговор велся по громкой связи, и его могли слышать и Эрик, и Эльга.

– Вообще-то сюрприз... – начал сдавать позиции капитан 2-го ранг Вильд.

– Пауль, вы меня своими сюрпризами в гроб вгоните! – взорвалась Вера.

– Только чур, не выдавайте меня отцу!

– Слово офицера!

– Андрей дома!

– Ох! – только и смогла выговорить Вера.

– Андрей – это ее брат, – начал Эрик объяснять Эльге – он служит в Пятом флоте, а они отрезаны...

– Я знаю, – остановила его Эльга. – Вы вот что, ребята, езжайте-ка сразу домой, а мы с тобой, Эрик, еще выпьем, но в другой раз. Я все равно пока остаюсь на тверди. Коды мои у тебя есть, освободишься, свяжись!

На том и расстались. Вызвали два такси. На одном улетела Эльга – Эрик настоял, чтобы она летела первой, – а на втором они с Верой. И еще через два часа – такси ведь не боевой катер, летает медленно – высадились на лужайке перед дворцом Мельников и в буквальном смысле попали с корабля на бал. То есть из такси на импровизированную вечеринку, которая стремительно превращалась в офицерский кутеж. Лужайка была ярко освещена, но по случаю плохой погоды на ней не было ни души. Гуляли в центральной части дворца. Там свет горел еще ярче, чем снаружи, играла музыка, и даже сквозь высокие стеклянные окна-двери было видно, что едва начавшийся праздник быстро набирает обороты.

Вера и Эрик взбежали по пологим ступеням под портик внешней колоннады – сейчас ему бежалось легко и просто, как в лучшие времена, – и через открытые двери вошли в Китайский зал. Стены в нем были затянуты яркими картинами, вытканными на шелке. Довольно дорогое удовольствие, поскольку привозили эту роскошь с Дзяннаня¹², то есть практически с противоположного конца галактики, но Мельники были не просто богаты, они относились к той части имперской элиты, которую называли денежной аристократией. Титула у них не было. Зато имелась знаковая фамилия и многочисленная родня едва ли не на всех освоенных планетах империи.

¹² *Цзяннань* (буквально: «К югу от реки (Янцзы)») – историческая область в Китае, занимающая правый берег нижнего течения реки Янцзы.

– Верка! – Андрей стоял в окружении офицеров обоего пола и модных красавиц в пестрых и ярких платьях. Но как бы ни был занят общением, сестру узнал, едва она вошла в зал. Узнал, окликнул в полный голос и помчался навстречу. Близнецы, что с них взять!

Добежал буквально в считанные мгновения, не слишком вежливо растолкав по дороге кого-то из гостей, и, подхватив сестру на руки, закружил, целуя в щеки и лоб. Потом остановился, поставил ее на пол, прищурился, оглядел с ног до головы и, тронув пальцем только что полученный орден, вздернул бровь.

– «За службу и храбрость»? – покачал он головой. – Второй степени? Однако! А с виду и не скажешь.

– Твоя сеструха, Андрей, отмороженная на всю голову *геройка*! Или лучше сказать *храбрица*? – Эрик подошел и первым делом, чуть оттеснив Веру в сторону, обнял своего лучшего и, в общем-то, единственного друга. Вера теперь все-таки скорее любимая девушка, чем приятель или друг. А вот Андрей...

– Так! – заявил Андрей, освобождаясь из медвежьих объятий Эрика. – Значит, *смельчачка* и *батырка*? И что же ты натворила, несчастная? За просто так *такими* орденами не награждают!

– Постой-ка, – быстро взглянул он на Эрика. – У тебя вроде бы «Военный орден» был только второй степени, откуда взялся первой?

– Мы сюда с Верой примчались прямо с приема в Адмиралтействе, – смутился Эрик, почувствовав на себе скрепившиеся взгляды множества незнакомых ему людей. – Там сегодня награждали за сражение в системе Парацельса.

– Вы были в деле у Парацельса? – спросил чей-то на удивление знакомый голос, и, скосив взгляд, Эрик увидел Анну Монк. Дочь Одо, князя Эгерланда¹³ стояла чуть в стороне в сопровождении обычных своих сателлитов – лейтенантов Ги д'Аламбера и Роберта Шотта, своих кузена и жениха.

– Да, графиня, мы оба были в системе Парацельса, – вежливо поклонился Эрик.

Весь прошлый год в училище Эрик вел себя с Анной максимально корректно. Он держался на расстоянии, демонстрируя холодную сдержанность. Она отвечала тем же. Ни разу не позволила себе ни насмешки, ни косого взгляда. Сама безмятежность. И это выгодно отличало ее от учившихся на втором курсе лейтенантов Ги д'Аламбера и Роберта Шотта. Д'Аламбер смотрел на Эрика с неприкрытым презрением и задевал при любой возможности. Похоже, его особенно злило отсутствие реакции, а Эрик кузена Анны попросту игнорировал. Жених же графини Монк был всегда подчеркнуто вежлив, но временами Эрик видел на его лице гримасу презрительного раздражения. И как назло, оба два были

¹³ *Эгерланд* – материк и одноименное княжество на планете Эно. *Хебско* или *Эгерланд* – исторический регион на крайнем западе Богемии на современной территории Чехии недалеко от границы с Германией. Получил своё имя по городу Хеб, называемому немцами Эгер (Eger).

сейчас здесь, снова, как и всегда, стояли по обе стороны от своей дамы.

«А кстати, почему д'Аламбер никогда не появляется с дамой? – мелькнула у Эрика неожиданная в данном контексте мысль. – Или он?...»

– Похоже, вам придется чирикать не умолкая! – заявил между тем Андрей, перехватив быстрый обмен взглядами между Эриком и Анной и между Эриком и Верой. – Я хочу знать все самые грязные подробности! И непременно прямо сейчас, а то знаю я вас... Найдете способ извернуться! Рассказывайте!

– Может быть, сначала расскажешь ты? – улыбнулся Эрик. – Это твой праздник, разве нет?

– Да, к слову, дамы и господа, – оглядел Андрей сплотившиеся ряды любопытствующих гостей. – Всем, кто не знаком. Младший лейтенант Вера Мельник – моя сестра. А это *ейный хахаль* и по совместительству мой друг – лейтенант Эрик Минц.

– Рассказ! – напомнил кто-то из окружающих.

– Видишь, Вера, – усмехнулся Андрей. – Народ требует хлеба и зрелищ, так что начинать придется все-таки тебе.

– Как скажешь, – пожала плечами Вера, начиная стремительно краснеть. А краснела она при своей чуть смуглой коже на особый лад, и это было чудо, как красиво. Во всяком случае, с точки зрения Эрика.

– Да тут и рассказывать на самом деле нечего, – через силу

улыбнулась она. – Ничего особенно героического я не совершила. Крейсер вел бой, и я выполняла рутинные функции младшего офицера...

«Ну ладно я, – в очередной раз удивился Эрик, – а она-то что дурью мается?»

– Твоя сестра, Андрей, – сказал он вслух, – собрала добровольцев и повела людей тушить пожар в двигательном отсеке. – Кто понимает, о чем идет речь, в разъяснениях, надеюсь, не нуждается.

Кое-кто из присутствующих понимал.

– Ты была на флагманском крейсере Моргенштерна? – спросила Анна.

– Что конкретно горело? – поинтересовался незнакомый Эрику лейтенант инженерной службы.

– Горели стабилизаторы, – уточнил Эрик, с ужасом представляя, чем все это могло закончиться. – И да, дело происходило на «Аскалоне».

– Могло рвануть, – сказал кто-то шепотом, но в наступившей вдруг тишине слова эти прозвучали достаточно громко.

– Должно было рвануть, – нахмурился Андрей. Он, видно, тоже представил себе пожар в двигательном отсеке линейного крейсера и то, как могут гореть стабилизаторы потока.

– Но не рвануло! – успокоительно улыбнулась Вера. – Мы успели вовремя погасить огонь.

– Госпиталь был битком набит членами Вериной команды, – добавил Эрик. Просто не смог не добавить.

– А вы, лейтенант, стало быть, там все это время были и вели прямой репортаж? – скривил губы в ухмылке Ги д’Аламбер.

Зря он это сказал. И шутка получилась, прямо сказать, дурацкая. То есть не получилась вообще. И контекст разговора шуток не предусматривал. Веру от его слов едва не передернуло.

– Эрик, – сказала она дрогнувшим голосом, – в этом самом госпитале провел три дня... Сорок часов без сознания... Ему сделали полное переливание крови...

Про переливание крови говорить, разумеется, не стоило. На всех этих делах по-прежнему стоял гриф «Совершенно секретно». Но, с другой стороны, Эрик понимал, что в данной ситуации Вера промолчать попросту не могла. Для нее те три дня были не менее трудными, чем для него самого, и он это сейчас понял со всей определенностью, на которую только был способен.

– Э-э... – Д’Аламбер дураком не был, сразу сообразил, что сказал лишнее.

– Молчал бы ты, Ги! – косо взглянула на него Анна.

– Извините, – добавила она, повернувшись лицом к Вере и Эрику. – Мой кузен – штабной говнюк, и как все штабные, часто забывает, что ему стоит молчать, когда говорят боевые офицеры!

Сейчас Эрик заметил на груди Анны знак «Доблести». Не орден, конечно, но и не медаль. Знаки «Доблести», «Верно-

сти» и «Самопожертвования» занимали в иерархии имперских наград промежуточное положение между орденами и медалями, вернее, существовали параллельно и тем, и другим. И награждали ими за серьезные дела. Но обычно не за разовые подвиги или проявления героизма, а за безукоризненное исполнение долга на боевом посту. Видно, и Анна чем-то таким себя проявила, а вот френчи ее кузена и жениха оставались девственно чисты. Заслужить боевых наград они явно не успели.

На реплике Анны инцидент был, собственно говоря, исчерпан. Эрика оставили в покое, так и не выяснив «всех грязных подробностей» его действий в системе Парацельса, и разговор плавно – не без помощи самого Андрея, соображавшего, должно быть, что *тему* развивать не стоит – перешел на действия Пятого флота, отрезанного внезапным началом войны от основных коммуникаций империи.

Флот базировался на систему Трех Сестер, там вокруг двойной звезды – Альфы и Беты Двойников – вращались три обитаемых планеты, колонизация которых началась еще во времена второй волны космической экспансии. Заселяла их поначалу специальная миссия ООН. О чем конкретно думали чиновники миссии, сказать теперь было сложно, – возможно, не думали вообще, так как было нечем, – но результаты их деятельности оказались просто феерическими. Переселив в систему около тридцати миллионов африканцев и кашмирцев, Объединенные Нации посчитали себя сво-

бодными от обязательств и попросту бросили несчастных на произвол судьбы. Слабая экономика, неразвитое сельское хозяйство и бесконечные религиозные и племенные распри привели к ужасным последствиям. Планеты – в то время речь шла только о двух из них, о Морриган и Бадб – стояли на грани полного краха цивилизации, но, на их счастье, в 2139-м в ходе Первой колониальной войны систему захватил Атлантический Союз. В следующие сто лет атлантисты освоили еще одну планету и переселили на Маху, Бадб и Морриган¹⁴ порядка пятидесяти миллионов американцев, канадцев и англичан, и дело пошло. Но потом случилась Великая война, и система Двойников лишилась связи с космосом почти на двести пятьдесят лет. В конце концов, жители индустриально развитой Морриган сумели даже восстановить производство космических кораблей и электроники, но гиперпространственный двигатель воспроизвести так и не сумели, оставаясь пленниками звездной системы. Это и решило суть дела. Империя прихватила систему трех планет, объединившихся к тому времени под властью Морриган, около восьмидесяти лет назад и превратила в свой опорный пункт в этой довольно отдаленной от метрополии части вселенной.

Пятый флот исторически базировался в системе Трех Сестёр и был достаточно силен, чтобы дать отпор врагу, тем

¹⁴ *Морриган* («Великая госпожа Ворон») – богиня войны в ирландской мифологии. *Маха* – в ирландской мифологии имя нескольких мифологических персонажей и (или) богинь, персонификация битвы. *Бадб* – «неистовая» – богиня войны в ирландской мифологии.

более что опирался на три густонаселенные и промышленно развитые планеты. Да и нападать на них всеми силами ни Эмирату, ни Халифату было не с руки. Другое дело – перерезать коммуникации и донимать частыми беспокоящими набегами. Этим они, судя по рассказу Андрея, и занимались, а рассказывать истории Андрей умел и любил. Он вообще был талантливым человеком, и способности его проявлялись не только в разговорном жанре. Он и друг был хороший, и офицер, и спортсмен. Но сейчас Эрик не без удовольствия выслушал – от начала и до конца – рассказ об одиссее линейного крейсера «Кроцеа Морс»¹⁵ и каравана транспортов, перевозивших с Трех Сестер в метрополию стратегически важные комплектующие для оружейного производства, редкие металлы и лекарственные препараты.

– Представляете себе картину? – улыбнулся Андрей, завершая рассказ. – Вываливаемся мы на периферии системы, двадцать семь больших транспортов, пятнадцать – среднетоннажных, крейсер, малый носитель и три эсминца. Упали, можно сказать, отцу как снег на голову! Но ведь прорвались и дошли без потерь. Вот, собственно, и все.

Андрей закончил свое повествование, еще раз расцеловал сестру, обнялся с Эриком и пошел в смежную гостиную, поздороваться с отцом и другими старшими родственниками, а в трех великолепных залах – Китайском, Знаменном и

¹⁵ *Кроцеа Морс* (Crocea Mors, «Желтая смерть») – меч Юлия Цезаря согласно Гальфриду Монмутскому (в британском мифе).

Доспешном – предназначенных для больших приемов, с новой силой возобновилось веселье, тем более что чем дольше длилась гулянка, тем больше прибывало гостей. Обнять Андрея и других героев «перехода» хотели многие. Родственники, однокашники, друзья детства и, разумеется, сослуживцы, оказавшиеся по случаю в метрополии в этот день. Коекого из этих людей Эрик знал по звездной академии на Ильде-Франс и по училищу ВКС. Так что ему было с кем пообщаться, пока Вера, присоединившаяся к брату, исполняла в смежной гостиной свой долг перед родней.

– Эрик!

Не было и тени сомнения в том, что они с Анной встретились у фуршетного стола неслучайно. Она явно искала Эрика и в конечном счете нашла. Оттого, вероятно, появилась одна, без постоянно сопровождающих ее Ги и Роберта.

– Рад тебя снова видеть, – вежливо поклонился Эрик.

– Не думаю, – усмехнулась в ответ графиня Монк, – но спасибо на добром слове.

– У тебя виски седые... – добавила вдруг, нарушив неловкое молчание, возникшее между ними.

– Не нравится? – поднял бровь Эрик. – А мне сказали, что выглядит элегантно и мне идет. Вот же люди какие нехорошие!

– Ты обиделся, и ты прав.

– Да при чем тут обиды! – пожал плечами Эрик. – Я на господина д'Аламбера давно уже не обижаюсь. Если честно,

он мне неинтересен.

– Что там произошло во время сражения? – спросила Анна, меняя тему разговора. – У тебя, Эрик, больные глаза, седые виски и... Зачем тебе переливали кровь?

– Ты помнишь, – усмехнулся в ответ Эрик, – мы уже однажды встречались у фуршетного стола? Дело было на «Пакс Романа», и ты тогда тоже задала мне много разных вопросов...

– А ты сказал, что у тебя на личном деле такая виза стоит, что даже не знаешь, о чем можно говорить, а о чем нет.

– У тебя хорошая память.

– Не уходи от ответа!

– Когда-нибудь в другой раз, – покачал головой Эрик. – Не сочти за грубость, Анна, но мне просто не хочется об этом вспоминать...

2. Одиннадцатое августа – девятое декабря 2533 года, система планеты Эно

Угомонились только под утро. Устали. Утанцевались. Выпили лишнего – все, кроме Эрика, разумеется, – в общем, выдохлись, как после какого-нибудь дикого марафона. Но стоило им с Верой остаться наедине, как в Эрике проснулся «вернувшийся из боя мужчина», со всеми вытекающими из этого факта следствиями. Возможно, все это было как-то связано с тем, что накануне вечером, во время разговора с адмиралом Моргенштерном, он влил в себя все три «секрет-

ных» снадобья сразу. Но вряд ли это могло объяснить силу овладевшего им безумия, и то, как вспыхнула в ответ на его страсть Вера, которая уж точно ничего такого не принимала, да и пила всю ночь одно лишь белое вино. В общем, Вера, как говорится, и охнуть не успела, как уже извивалась нагая под его губами и руками. Куда и когда делась ее одежда, Эрик то ли не заметил, то ли не запомнил. Его одежда, впрочем, исчезла не менее таинственным образом – была и нет. Однако, видит бог, одежда им сейчас была без надобности, и даже, напротив, могла только помешать. Но самое странное, учитывая их короткий опыт отношений, заключалось в том, что ни он, ни она не спешили «перейти к основному блюду». Они оба – не сговариваясь – длили и длили прелюдию, и их взаимные ласки были спонтанны и бесхитростны, но в то же время беззастенчивы и откровенны, как никогда прежде.

В общем, Эрик не оставил на лоснящемся от пота теле Веры не зацелованным ни одного квадратного сантиметра. Но и она завелась так, что туши свет! Уж насколько не любила «трогать это губами», а тут сама набросилась на Эрика, как изголодавшийся хищник. И вот что любопытно, девушка кончила и, как показалось Эрику, неоднократно, еще до того, как они добрались до кульминации. И криков с воплями и стонами было столько, что одна надежда на хорошую звукоизоляцию. И трясло ее не по-детски, словно судороги проходили по выгибающемуся дугой телу волна за волной. Однако, когда дело дошло до завершающей фазы, сказка и

вовсе превратилась в легенду, потому что любить друг друга так долго и с такой страстью им, кажется, не приходилось еще ни разу. И опять, Вера взлетала на вершину раз за разом, а в самом конце они «вылетели в космос» вместе с Эриком, одновременно и с невероятной силой.

Разумеется, ни о каком втором разе после такого безумия не шло даже речи. Эрик попросту вырубился, как случилось с ним однажды, когда он впервые преодолел на полной скорости астероидный пояс в системе Фронтира. Но и Вера, похоже, уснула одновременно с ним. А вот проснулся Эрик, как всегда, первым. Полежал пару секунд, прислушиваясь к ощущениям, и пришел к выводу, что чувствует себя почти нормально. Немного ныл позвоночник, была тяжеловата голова, но в целом ничего ужасного.

Потом Эрик плавно и практически бесшумно приподнялся на локте и минуту или две любовался разметавшейся во сне Верой. Она была чудо как хороша в своей «ветхозаветной простоте», и он чуть было не поддался соблазну разбудить ее поцелуями. Но Эрик свой мгновенный порыв все-таки остановил. Судя по «данным объективного контроля», спали они не больше четырех часов. Ему достаточно, а вот ей, скорее всего, нет. День впереди длинный, успеют еще насладиться обществом друг друга.

Он осторожно покинул постель, поднял с пола сначала свой, а потом и Верин китель, повесил их на плечики в шкафу, достал с полки спортивные трусы, натянул на себя, при-

кинул, надевать ли еще и кроссовки, но решил, что небольшое испытание воли ему никак не повредит, и отправился в путь босиком. Пробежал по коридору, спустился по лестнице и выбежал через боковую дверь в парк. По аллеям и тропкам бежал, уже не скрываясь. Холода не чувствовал, неприятных ощущений в стопах тоже, вообще ничего не замечал. Думал. Осмысливал разговор с Моргенштерном, переживал по новой ночь любви, вспоминал ночные разговоры с Андреем, Верой, другими знакомыми. Вспомнил между делом и встречу с Анной. Короткий разговор с ней оставил странный осадок. Не содержанием, а настроением. Впрочем, отчасти все же именно тем, что было сказано каждым из них. Однако в большей степени тем, что подразумевалось, хотя так и не было произнесено вслух...

Странно, но именно на размышлениях о сказанных и несказанных словах его и прервали. Почти на самом берегу озера – по тропинке, идущей вдоль обреза воды – прогуливались адмирал Мельник и его молодая жена. Впрочем, молодой она казалась лишь по сравнению с пятидесятилетним адмиралом. Для Эрика тридцатилетняя женщина молодой не являлась по определению. Однако следовало отдать ей должное, Элен Мельник была красивой женщиной. Высокая блондинка с хорошей фигурой и прозрачно-голубыми глазами на правильном, изысканно вычерченном лице.

– Доброе утро, господин адмирал! – поздоровался Эрик, останавливаясь. – Мадам, – вежливо склонил он голову, что

наверняка смотрелось более чем неуместно в исполнении практически голого мужчины.

– Утро доброе, лейтенант! – усмехнулся в ответ Мельник, а его супруга в негодовании поджала губы. – Плавать собрались?

– Так точно!

– Вода тринадцать градусов по Цельсию...

– Спасибо, я знаю.

– И все-таки полезете, несмотря даже на ваши... скажем так, сложные обстоятельства?

– Надо выздоравливать, – пожал плечами Эрик.

– Вера, полагаю, еще спит?

– Так точно!

– Ну, ладно тогда, лейтенант. Идите в воду, раз приспичило.

– Да, и вот еще что, – добавил, когда Эрик совсем уже собрался распрощаться. – Вам на коммуникатор придут сегодня все наличные данные по интересующей нас тематике. Постарайтесь изучить все это до отлета. И еще кое-что. Используйте время с умом, Эрик. На крейсере будет возможность подучиться. Не профукайте!

* * *

За следующие дни Эрик лишь трижды принимал препараты, переданные ему по приказу адмирала Моргенштерна,

но ни разу не выпил все три зелья сразу. Тем не менее, по общему впечатлению, чувствовал он себя совсем неплохо, и с удовольствием составлял компанию Андрею и Вере в их путешествиях и развлечениях. Впрочем, как и следовало ожидать, дни краткосрочного отпуска быстро подошли к концу, и пришло время расставаться. Андрей подключался к формированию нового каравана – теперь уже из Метрополии в систему Близнецов, – а Вера получила направление на курсы подготовки артиллерийских офицеров. Расставались не без огорчения, хорошо, что без слез. Долго стояли прижавшись друг к другу в зале отлетов космопорта Метрополис-Смарагд, но время всегда, когда не надо, словно назло, бежит слишком быстро, и вскоре уже Вера ушла за турникет и исчезла из виду в туннельном переходе к Седьмому стартовому окну.

«Ну, вот и всё...»

Эрик еще пару часов провел в рекреационной зоне космопорта: сидел в русской кондитерской, пил крепкий чай, курил и читал материалы по Холоду и Трилистнику. Все это он уже практически знал наизусть, но чтение знакомых текстов позволяло подумать о подробностях, которые не бросались в глаза при первом или втором прочтении. За прошедшие дни Эрик не только изучил материалы, присланные ему адмиралом Мельником, но просмотрел также несколько обобщающих отчетов, составленных отделением контрразведки ВКС на Фронтире. Документы касались прежде всего поли-

тической обстановки на планете, вопросов социальной напряженности и факторов, повлекших за собой попытку переворота в день атаки халифата. Интересное чтение, между прочим, и темы не тривиальные, но главное, Эрик запомнил персоналии: людей, писавших тот или иной отчет, и людей, в нем упомянутых. Те, кто работал над документом, по всем признакам являлись четкими профессионалами. Это становилось очевидно, как только вчитаешься в текст. Умные, умеют и любят думать головой. Скрупулезные, ведь дьявол, как известно, в деталях. И внимательные к тому, что может скрываться за внешним фасадом. Эрик где-то прочел очень понравившуюся ему тогда фразу: «за внешним фасадом комедии часто кроется трагедия». Судя по всему, аналитики ВКС это хорошо понимают и обобщают отнюдь не на пустом месте.

За чтением время пролетело незаметно, и вскоре Эрик уже сидел в пассажирском кресле «грузовичка», следовавшего на «Финист»¹⁶. Пассажиров на транспортнике не было, но пилоту, да еще из своих – из «москитников», свободное кресло на мостике все-таки нашлось. Поэтому путешествовал Эрик с комфортом, ему даже кружку кофе презентовали и разрешили, «как офицеру и орденоносцу», подключиться к планетарной сети. Ну а там, с его-то кодами приоритетов

¹⁶ «Финист» – линейный крейсер ВКС империи Торбенов, на который перенес свой вымпел командующий 8-й эскадрой вице-адмирал Моргенштерн. *Финист* – название меча Святогора.

и особыми способностями, Эрик уже через двадцать минут получил доступ к личным делам сотрудников посольства на Фронтире и старших офицеров в командном центре экспедиционного корпуса. Единственные, до кого он не смог добраться, были служащие имперской политической разведки и сотрудники отдела контрразведки ВКС на планете. Тем не менее и то, что удалось достать, оказалось достойным должного внимания. Хватило как раз до швартовки во внутреннем доке «Финиста».

Прибыв на борт линейного крейсера, Эрик представился вахтенному офицеру и командиру пилотажной группы, был официально зачислен в экипаж и поставлен на довольствие, а затем вселился в каюту на второй жилой палубе. Каютка была стандартная, без излишеств, но со всеми удобствами. Пару лет назад он и от меньшего приходил в восторг. Теперь пообтерся, попривык – к хорошему легко привыкнуть, – но зато потерял живость восприятия. Как если бы ее и не было. Слишком много всего случилось за сравнительно небольшой отрезок времени, слишком быстро, слишком естественно – при всей своей избыточной невероятности, – слишком похоже на сон...

«А может быть, это все мне приснилось?»

Но нет, не привиделось. Эрик едва успел устроиться в каюте и как раз собирался поискать кантину, в которой столовались офицеры пилотажной группы, когда его вызвали к адмиралу Моргенштерну. Если честно, Эрику не хотелось

светиться в опасной близости к командующему эскадрой. Нескромно как-то и не по чину. Ну, а уж если кто-нибудь из штабных узнает, что он встречается с дочерью главкома флота метрополии, вообще жизни не будет. С потрохами сожрут. Одни – из зависти, другие – от презрения. Тем не менее приказ остается приказом без всякой связи с тем, нравится он тебе или нет. Эрик в этом смысле всегда следовал уставу. Если ты «правильный» офицер, то порой можно и схитрить. Но только изредка, и если ты известен своим неукоснительным исполнением устава. Дисциплинированным командирам многое прощается.

Поэтому Эрик явился по вызову в срок, то есть сразу и так быстро, как смог, имея в виду физические размеры крейсера. А они, к слову сказать, поражали. «Славные Мечи» были тяжелыми, или как их еще называли, линейными крейсерами последней серии. Огромные, оснащенные мощной импульсной артиллерией и ракетными установками разгонного типа, эти корабли имели на борту еще и полсотни истребителей каждый, что значительно повышало их наступательные и оборонительные возможности. Эрик их, правда, в деле не видел – к тому времени, как «Буцефал»¹⁷ ворвался в систему Парацельса, все уцелевшие истребители «Аскалона» уже перелетели, израсходовав боезапас, на другой крейсер, – но

¹⁷ «Буцефал» – легкий носитель – корабль-матка, способный принять на борт от двенадцати до пятнадцати тяжелых ракетноносцев, то есть две полные бригады. В сражении в системе Парацельса «Буцефал» участвовал, имея на борту 93-ю и 24-ю штурмовые бригады тяжелых ракетноносцев.

записи начальной фазы боя, которые он видел, и отчеты, которые пришлось читать, утверждали, что истребители ВКС серьезная сила.

Эрик доложил о прибытии. Минут сорок посидел в приемной в ожидании вызова и, наконец, оказался в кабинете адмирала, где кроме них двоих присутствовала незнакомая Эрику капитан 2-го ранга.

– Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

– Без чинов! – остановил его адмирал. – Вот, Лиза, знакомься! Это и есть Эрик Минц!

Женщина смерила Эрика оценивающим взглядом и вдруг улыбнулась, но не по-дружески, а скорее по-матерински, хотя Эрик представлял себе материнскую улыбку только теоретически.

– А ничего так смотрится. В жизни не поверила бы, что ему всего двадцать.

«Знала бы ты, капитан, сколько мне лет на самом деле...»

– Я Лиза Вурст, – между тем представилась кавторанг. – По должности, инспектор-ревизор Отдела внутреннего контроля штаба эскадры. Адмирал попросил меня натаскать вас, Эрик, в вопросах пилотирования и командования кораблями второго ранга. Соответственно, вы поступаете в полное мое распоряжение в качестве помощника и будете сопровождать меня при проверках кораблей эскадры. Буду учить вас по ходу дела, а в остальное время будете мне помогать, ну и по возможности поднимать свой культурный уровень путем

самообразования. Вам все понятно?

– Так точно!

В принципе, Эрик был благодарен Моргенштерну за такую возможность наверстать пропущенные занятия в командном училище. Он только сожалел, что времени ему на это отведено слишком мало, но он ошибался, поскольку человек может только предполагать, а высшие силы в это время располагают, решая, что делать, когда и как. Эрик думал, как ему и сказали прежде, о трех-четырех неделях, но никак не ожидал, что рутина продлится пятнадцать недель.

О нем словно бы забыли, оставив на произвол судьбы или, напротив, предоставив своей судьбе. Почти четыре месяца Эрик мотался с кавторангом Вурст с корабля на корабль, знакомясь между делом с тем, как и чем живут крейсера, «носители» и эсминцы. Кто на них служит, как устроена командная иерархия, начиная от штаба эскадры и заканчивая рубкой военного транспортника или тяжелого фрегата. Исполняя функции помощника главного инспектора-ревизора, он то и дело сталкивался с понятиями и ситуациями, организационными структурами и системами вооружений, о которых ничего толком не знал – или никогда даже не слышал, – и ему приходилось наверстывать «недоученное», изучая ночами уставы, наставления, регламенты и прочее в том же духе. А ведь верная своему слову Вурст к тому же обучала его параллельно искусству пилотирования. Чаще всего это происходило прямо в рубках эсминцев и легких крейсеров, но ино-

гда Эрик получал возможность «порулить» этими кораблями в симуляторах дополненной реальности. Честно сказать, он даже не представлял себе, насколько все это интересно. Впрочем, пилотирование больших кораблей оказалось сложной наукой и непростым искусством. Однако Эрик не жаловался, он вкалывал сколько мог, и *еще чуть-чуть*, потому что это было то немногое, что он умел делать хорошо. И он учился, посвящая учебе практически все свое время.

Все эти четыре месяца он ни минуты не пребывал в праздности даже в те дни, когда его настигал очередной приступ «чертовой лихоманки». Он мало спал и почти никогда не отдыхал, ни с кем не общался, кроме как по рабочим или бытовым вопросам, не сближался с людьми, выдерживая четкую дистанцию. Единственное, что он себе позволял, это переписку с Верой и Андреем, и еще кое с кем из однокашников по академии и училищу, оказавшимися по случаю в системе Эно. Все свое свободное время, если таковое вообще находилось в его плотном графике, Эрик проводил в тренажерных залах. Ему нужно было вернуть себе форму, но физическое состояние оставляло пока желать лучшего. Тем не менее он старался, и кое-что у него вроде бы стало получаться. Во всяком случае, результаты по нормативам явно улучшились, да и «накатывать» стало вроде бы реже.

3. Десятое декабря 2533 года, система планеты Эно

Сигнал тревоги прозвучал в 17:32 по корабельному вре-

мени.

Эрик находился в этот момент в тренажерном зале на пятой палубе и уже одиннадцать минут крутился в «чертовом колесе» – имитаторе перегрузок, моментов вращения и боковых моментов при переменной температуре от минус десяти до плюс пятидесяти. К моменту, когда «ударили колокола громкого боя», продублированные ревуном в личном коммуникаторе, Эрик успел «разогнать» свой воображаемый ракетносец до приличной скорости – где-то треть от максимума – и как раз собирался начать раскрутку аппарата в продольной плоскости. Пришлось срочно «тормозить», вылезать из тренажера и бежать в раздевалку. Хорошо хоть командный центр крейсера выдал к этому времени тактическую схему готовности, из которой Эрик узнал, что предполагаемый контакт с противником может случиться не раньше чем через два часа сорок минут. Тогда он умирил прыть и связался с Лизой Вурст.

– Что делаем? – спросил он, едва кавторанг ответила на вызов.

В личном общении они давно уже придерживались дружеской формы общения: на «ты» и по имени.

– Остаемся на «Акинаке»¹⁸. Через полчаса жду тебя в командном центре.

Они прибыли на ударный крейсер «Акинак» накануне

¹⁸ *Акинак* – короткий (40–60 см) железный меч, применявшийся скифами во второй половине 1-го тысячелетия до н. э.

утром, и весь вчерашний день, как и большую часть сегодняшнего, кавторанг Вурст мотала кишки командиру крейсера, его заместителям и начальникам служб. И, разумеется, Эрик все время был при ней: заполнял акты, записывал показания, отмечал недостатки, выслушивал разъяснения кавторанга на тему «почему это важно» и как это «нам аукнется в бою» и делал еще множество других не менее ответственных дел. Правда, он дважды за эти два дня занимал место второго пилота и следил оттуда в реальном времени за действиями первого пилота, выполнявшего рутинные операции, типа корректировки курса или выравнивания относительных скоростей. Время на отдых он получил всего лишь сорок минут назад, и надо же какая незадача: не успел ни отдохнуть, ни потренироваться.

– Могу я узнать, что случилось?

– Противник на периферии системы...

То, что противник может попробовать на зуб систему обороны метрополии, не сомневался никто. «Дорогу» в систему Эно знали и халифы, и магрибы. Вопрос был лишь в том, когда и какими силами? К сожалению, обезопасить свою метрополию от вторжения империя не могла. И никто бы не смог. Космос слишком просторен. Разумеется, и здесь имеются свои ограничения. Гравитационные поля звезд и массивных планет не позволяли совершать длинные гиперпространственные переходы с выходом внутри звездной системы. При любом межсистемном прыжке створ выхода всегда

находится где-то на периферии системы или близко к ее границам. Короткие, внутрисистемные «блошиные» скачки – не в счет. Так что вторжение могло начаться только за орбитами самых отдаленных от светила планет.

Второе ограничение касалось точки входа в прыжок. Мест, откуда можно было совершить гарантированный переход в систему Эно, относительно немного, и империя старалась в той или иной степени контролировать большинство из них. Разработка нового маршрута была делом непростым, долгим и затратным. Но было очевидно, что противник «за ценой не постоит». Учитывая все эти факты, империя серьезно готовилась к обороне метрополии, и внутри системы Эно были созданы несколько «оборонительных эшелонов», не считая семнадцати «центров концентрации сил». Так что сейчас флот метрополии ожидала или короткая схватка, если противник всего лишь прорщупывает оборону метрополии, или эпическая битва, если халифы и магрибы решили идти ва-банк.

Эрик принял душ, переоделся в полевую форму, то есть пилотский комбинезон – этого требовал устав корабельной службы, – и к назначенному времени пришел на командный пункт. Народу здесь сейчас было немного: командир крейсера, главный связист, два офицера для поручений и два пилота – первый и третий. Первый помощник с двумя другими пилотами – вторым и стажером – заперся в запасном командном центре. Все остальные офицеры как раз занимали свои

боевые посты согласно штатному расписанию. Единственными зрителями являлись начштаба, инспектор Вурст, ну, и Эрик, разумеется. Сев в кресло рядом с Лизой, он принялся изучать обстановку, как ее отражали тактические экраны, занимавшие всю переднюю полусферу рубки.

Противник находился достаточно далеко и в огневой контакт пока не вступал, формируя на периферии системы три штурмовых колонны. Возможно, со временем возникнет и четвертая, – корабли противника продолжали появляться, выходя из подпространства, – но это было неочевидно. Во всяком случае, Эрик не видел пока ни тактической, ни оперативной необходимости в этой четвертой колонне. Все, что могли бы сделать халифы – и все, чего они, судя по всему, хотели добиться, – можно было выполнить, имея три атакующие колонны. Четвертая будет только мешать. Но планы противника раскроются не сейчас, а несколько позже. А пока разведка сомневалась даже в том, пожаловали в систему одни лишь халифы, или магрибы тоже здесь.

– Обрати внимание на колонну один-один, – тихо сказала Лиза.

– Что с ней не так? – Эрик не видел в формируемом ордере ничего необычного. Шаровое построение с вынесенным вовне клином-жалом, состоящим, по-видимому, из штурмовых кораблей 1-го и 2-го ранга.

– Обрати внимание на сердечник.

«Сердечник? Ах, вот оно что!» – Эрик даже расстроился,

что не сумел увидеть очевидного сам.

Внутри шарового ордера под прикрытием тяжелых крейсеров и рейдеров 2-го ранга формировался стержень, состоящий из ударных крейсеров, тяжелых эсминцев и десантно-штурмовых транспортов. При этом два корабля-матки легкого класса располагались по бокам стержня. И получалось, что Эрик не увидел главного – классического построения штурмовой колонны, имеющей целью взлом планетарной системы обороны.

– Спасибо за подсказку, – поблагодарил он Лизу. – Я не заметил.

– Не все сразу, – почти небрежно отмахнулась кавторанг.

– Внимание! – объявил в этот момент по трансляции командир крейсера кавторанг Гилель Цейтлин. – Получен приказ командующего. Ударные крейсера «Акинак», «Пернач»¹⁹, «Альшпис»²⁰ и «Кончар»²¹ поддерживают атаку ракетноносцев девятой и двадцать первой бригад. Начинаем выдвижение к пункту ожидания. Приказ всем членам экипа-

¹⁹ *Пернач* – холодное оружие ударно-дробящего действия. Представляет собой разновидность булавы, к головке которой прилито несколько (до двух десятков) металлических пластин (перьев).

²⁰ *Альшпис* – западноевропейское короткое копьё с дискообразным ограничителем. Использовалось в основном в Германии и Австрии на протяжении XV–XVI веков.

²¹ *Кончар* – тип колющего холодного оружия. Представляет собой меч с прямым, длинным (до 1,5 м) и узким трёх- или четырёхгранным клинком. Ограниченно применялся в странах Азии, Восточной и Центральной Европы в XII–XVII веках.

жа – надеть броню и занять к 19:20 места согласно боевому расписанию. К исполнению!

– Пошли, Эрик, – позвала Лиза, вставая из кресла. – У нас час времени, вполне можно выпить по сто грамм.

– Не по уставу как-то... – неуверенно возразил Эрик.

– Устав касается членов экипажа, – наставительно подняла палец кавторанг. – А мы с тобой сегодня не более чем балласт.

В принципе, она была права, но у Эрика имелись два дополнительных возражения против выпивки: его все еще не пришедшее в норму здоровье и необходимость писать во время боя в мочесборник. Однако атака на вражеский ордер – это всегда игра с судьбой в «орел или решку». Он в одной такой атаке участвовал и по собственному опыту знал, если что, не поздоровится никому, в том числе и «пассажирам». В таком случае это могут быть последние их сто грамм в жизни. Обидно, конечно, но на войне как на войне.

Эрик спустился в каюту, где хранился его персональный контейнер со скафандром высокой защиты, переделся. Проверил аппаратуру, шлем и разъемы и задумался над тем, принимать или не принимать свои лекарства. Голова и позвоночник пока не болели, но уже начали ныть – сказывалось общее напряжение, а вот слабости, головокружения или тошноты он пока не ощущал. Однако во время боя все может случиться. Обдумав этот тезис, Эрик принял зелье номер «раз» и заправил в специальный внутренний термос-карман

пятьдесят граммов воды с растворенными в ней всеми тремя снадобьями. Мало ли как все сложится, так что пусть будет на всякий случай.

После этого, отбросив шлем за спину, он отправился в каюту кавторанга, и они с Лизой Вурст действительно посидели минут тридцать в тишине и покое, перебрасываясь ничего не значащими репликами, – каждый явно думал о своем, – выпили граммов по восемьдесят крепкой виноградной водки и выкурили по паре сигарет.

– Ну, вот и все! – объявила наконец кавторанг. – Не знаю, как повернется, поэтому скажу тебе сейчас, как есть. Ты хороший парень, Эрик, но быть хорошим парнем – не профессия. Другое дело, что ты толковый офицер, и вот это уже серьезно. Перспективных офицеров не так много, как кажется, и ты один из них.

– Было честью служить с тобой, Лиза! – кивнул Эрик, вставая. – И спасибо на добром слове!

На этом обмен любезностями закончился, и они молча вернулись в командный центр. Следующие два часа прошли в напряженном ожидании. «Акинак» маневрировал, попутно ускоряясь и постепенно меняя траекторию движения, и через час с четвертью выровнял скорость и курс с тремя другими ударными крейсерами. Теперь «Акинак», «Пернач», «Альшпис» и «Кончар» шли вместе, создав построение в форме ромба. А еще через двадцать минут их догнали тяжелые ракетноносцы, базировавшиеся на орбитальные кре-

пости Брабант и Намюр, находившиеся на орбите Саара – пятой планеты системы Эно²². Ракетоносцев было шестнадцать: три «Кабира»²³ и тринадцать «Гефестов МЗ». Эрик хорошо знал и те, и другие. На «гефесте» – правда, еще не оптимизированном тогда под требования МЗ, он принял свой первый бой в системе звезды Уилберга, а «кабиром» он командовал во время сражения в системе Парацельса. Это были очень хорошие машины, и они несли под броней весьма эффективные противокорабельные ракеты. Сто двадцать восемь тяжелых ракет, каждая из которых при удачном попадании способна «стреножить» тяжелый крейсер.

«Дай вам бог удачи, ребята! И нам заодно...»

Сейчас его роль ограничивалась пассивным наблюдением. Ни на этом крейсере, ни на каком другом корабле у Эрика не было своего боевого поста. В командной цепочке 8-й эскадры он являлся мелким, но главное, совершенно бесполезным в бою винтиком.

«Помощник главного инспектора-ревизора... Мне нечем вам помочь, ребята... Простите, если сможете...»

Между тем вторая колонна противника вступила в ог-

²² Звезда и четвертая планета системы носят одно и то же название – Эно. Жители планеты говорят на нескольких языках, в частности на ланге, рузе и франке. На всех этих языках, как и на многих других, звезда Эно называется «солнцем».

²³ *Кабиры* – древние божества древнегреческой и более ранней мифологии. По общему представлению, кабиры – это великие боги, имевшие силу избавлять от бед и опасностей. В то же время эти боги-спасатели считались грозными божествами, карающими за проступки, в том числе богами света и огня.

невой контакт с крепостью «Моравия». Траектория этого астероида была специально скорректирована таким образом, чтобы построенная на нем крепость всегда прикрывала один из пяти сегментов пространства между орбитами пятой и шестой планет. Остальные четыре сегмента поочередно прикрывали крепости «Богемия», «Высочина»²⁴, «Словакия» и «Чехия». Сейчас огонь вели только форты «Моравии», но тактический центр указывал в своих расчетах, что через пять минут и двадцать три секунды вторая колонна противника, большей частью состоящая из кораблей эмирата Магриб, на три минуты и семь секунд войдет в зону обстрела из двух фортов «Богемии». У «Богемии» и «Моравии» таким образом возникнет зона перекрытия, и, если к ним присоединятся тяжелые корабли 11-й эскадры – а они уже занимали позиции в створе между двумя крепостями, – плотность огня станет попросту невыносимой. А там уже должны были вступить в бой ракетноносцы, базирующиеся на «Левиафан» – корабль-матку 11-й эскадры. Эрик смотрел на экран, выдающий тактический прогноз, и не мог отвести взгляд. Если огонь фортов и тяжелых крейсеров сломает магрибам атакующий ордер, у ракетноносцев – а на огромном «Левиафане» их двадцать восемь бортов – появится реальный шанс раскатать противника в блин. Впрочем, у магрибов тоже есть свои

²⁴ *Край Высочина* – административная единица (край) Чешской республики, расположен на юго-востоке исторической области Богемия и частично на юго-западе Моравии.

носители и наверняка целая туча «мошкар».

«Будет жарко...»

Вся вражеская колонна уже окуталась вспышками – это оборонительные системы магрибов подрывали снаряды, несущие сгустки высокотемпературной плазмы, сжатой сверхмощным, но коротко живущим магнитным полем, и боеголовки, начиненные антивеществом. Вспыхивали зарницы и в кильватере колонны. Попасть в корабли было трудно, но огромное количество выпущенных по ним боеприпасов перегружало оборонительные контуры, а ведь навстречу атакующему ордеру летели сейчас и тяжелые противокорабельные ракеты. Форты запустили их в ожидании подхода противника еще полчаса назад, и сейчас, повинаясь заранее отданным приказам, несколько сотен ракет начали «выстреливать» с места, используя ускорители, разбрасывая вокруг себя обманки и имитаторы и распределяя цели уже в ходе полета.

– Внимание! Входим в зону огневого контакта!

Эрик перевел взгляд на другой экран. Здесь развертывалась схема атаки на атакующий ордер первой колонны халифов.

«Наша цель...»

Расстояние действительно сократилось до минимума.

«Интересно, кто первым моргнет?»

Первыми нервы не выдержали у халифов, и приборы «Акинака» тут же зафиксировали многочисленные вспыш-

ки – это стартовали противокорабельные ракеты – и массовые возмущения электромагнитного поля – типичная картина работы импульсной артиллерии. Сидеть в кресле, не имея возможности вмешаться в ход боя и наблюдая за тем, как противник ведет огонь по твоему кораблю, жестокое испытание. У Эрика от страха свело живот. Боль нарастала, начиная перетекать на грудь и позвоночник, но Эрик терпел, стараясь не показать вида, насколько ему на самом деле плохо.

Вздрогнул пол, волна вибрации прошла по всему телу корабля. Это вступили в игру тяжелые орудия «Акинака».

«Вот бы попали!»

Но артиллерийская дуэль продолжалась без видимых успехов с обеих сторон. Крейсера вели огонь, сосредоточив его на тяжелом корабле, опознанном разведкой как линейный крейсер «Аль Ифрит»²⁵. Они должны были обеспечить преимущество своим ракетноносцам, но у них пока ничего не получалось. Халиф отвечал мощными залпами, одновременно отражая снаряды имперских крейсеров своими оборонительными системами. Вскоре его начали поддерживать два других корабля, опознанных разведкой как большие эсминцы класса «Остан»²⁶. Размерами и огневой мощностью они мало отличались от «Акинака» и других ударных крейсеров.

²⁵ *Аль-Ифрит* – самый сильный вид джиннов. Даже самый маленький ифрит способен убить самого огромного гиганта – джинна Марида, настолько он силен.

²⁶ *Остан* – провинция, название территориально-административной единицы первого уровня в Иране.

– У тебя что, вообще, нервов нет? – Лиза смотрела на него с выражением искреннего удивления.

«У меня? – опешил Эрик. – Нервы? Ах да, – сообразил он через мгновение. – Нервы! Она верит тому, что видят ее глаза».

– Ну, что ты, – усмехнулся в ответ Эрик. – У меня от страха яйца из мошонки удрали...

– Н-да, слышала я, что ты отмороженный на всю голову сукин сын, но думала, что люди преувеличивают...

Как всегда, правда воспринималась другими людьми как ирония или шутка. В таких вопросах ему никто никогда не верил. И слава богу, что так. Такого труса, как он, никто бы не сделал офицером.

– Надеть шлемы!

«Кажется, доигрались!»

И в самом деле, он только успел защелкнуть фиксаторы шлема, как корабль содрогнулся от мощного удара, и тут же взревел ревун.

Минуту или две все в командном центре оставались в изматывающем неведении, не зная, куда прилетело и насколько плохо обстоят дела. Потом потоком пошли данные. Однако все сводилось буквально к нескольким фактам, которые одни и были, на самом деле, важны. Снаряд, взорвавшийся самоподрывом в непосредственной близости от крейсера, разрушил внешний и внутренний броневые корпуса в районе носовой оконечности и вызвал вторичные разрушения в

седьмой и девятой секциях. Неприятно, но не смертельно, так что можно выдохнуть.

– Лейтенант Минц, срочно пройдите в центр управления огнем!

Приказ командира не обсуждается. Тем более в бою. Эрик вскочил с места и рванул к лифту. Три этажа вниз, коридор, новый лифт и снова коридор. Опознав его по переданным из командного центра кодам, охранявшие вход десантники открыли перед ним броневую дверь, и Эрик оказался в просторном помещении, где властвовали боги войны – артиллеристы и ракетчики.

– Вам туда, лейтенант! – указал один из офицеров на овальный люк в глубине помещения. – Быстрее!

– Лейтенант, вы уже на месте? – Судя отметке на экране встроенного в шлем коммуникатора, с ним говорил сейчас сам командир.

– Почти!

Эрик пролез через люк и с удивлением обнаружил, что находится в запасной пилотажной рубке. Тесновато, но все, что нужно, имеет место быть. Ложементы, экраны, пульт управления и джойстик под правую руку.

– Вам будет ассистировать практикант Комлев, – сообщил командир.

Мог бы и не говорить. Эрик сам уже все увидел и понял. Запасной командный центр находился как раз в носовой оконечности, там, по-видимому, и погибли первый помощник,

второй пилот и стажер. Теперь командир вводил в дело запасную пилотажную рубку, для которой у него по печальному стечению обстоятельств имелись только два пилота: лейтенант Эрик Минц и гардемарин Линда Комлев.

– Вас зовут Линда? – спросил он, устраиваясь в ложементе.

– Да.

– Боитесь?

– Нет.

– Зря! – Эрик защелкнул фиксаторы ремней и положил руку на джойстик. – Страх отличный мотиватор и верный спутник... героев... Пристегнитесь!

Пока разговаривали, Эрик, не слишком стесняясь свидетелей, сделал глоток «воды» – принял свое чертово зелье – смесь из трех препаратов, предоставленных ему лабораторией биоактивных материалов. Без этой гадости ему даже КАБИ²⁷

²⁷ КАБИ – коммуникативно-адаптивный бесконтактный интерфейс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.